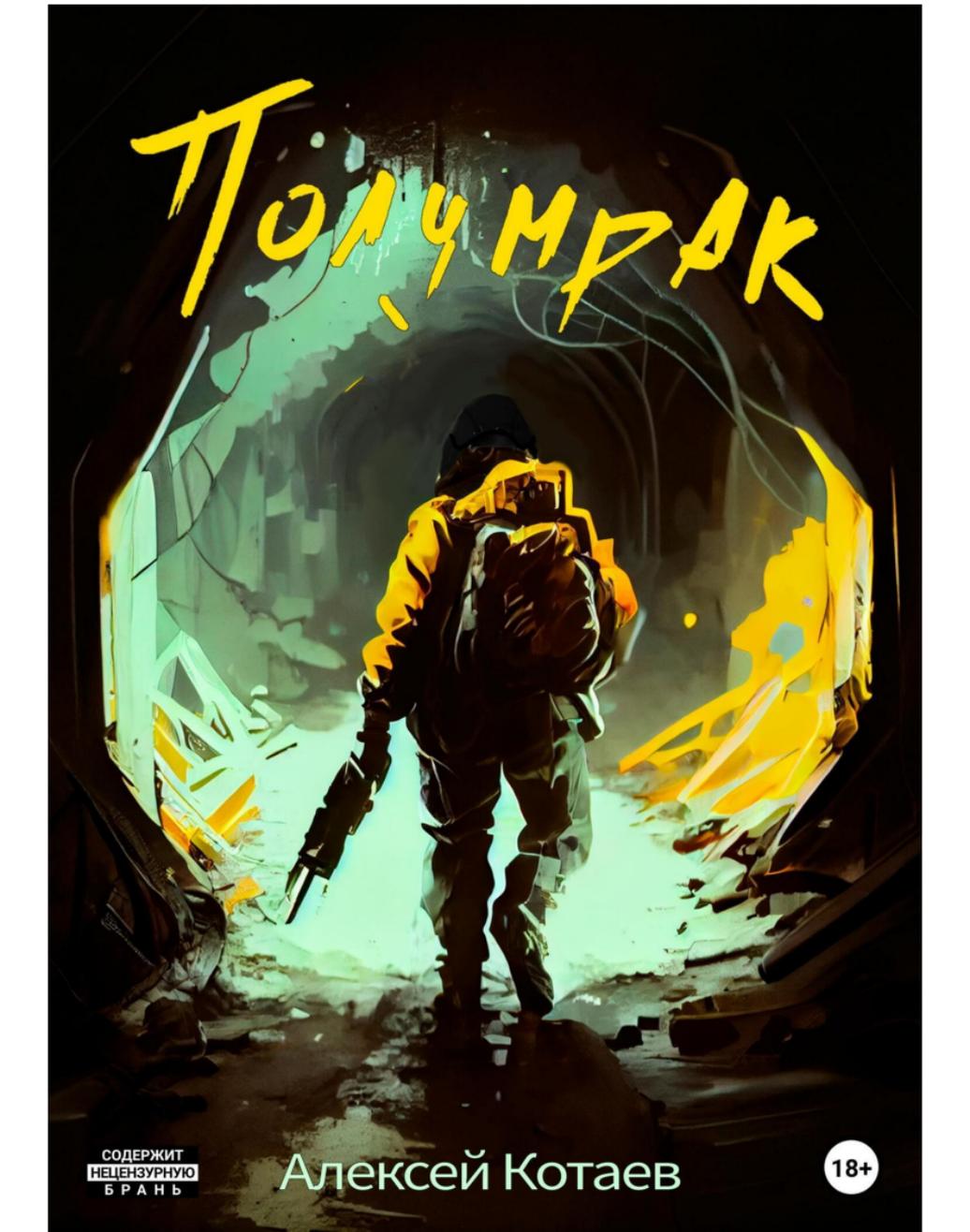

ТОЛУМРАК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алексей Котаев

18+

Алексей Котаев

Полумрак

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68912796

SelfPub; 2023

Аннотация

Подземный город, накрытый непроницаемым бетонным куполом. Люди, что живут в этом городе, поколениями сменяя друг-друга. Все счастливы, все в безопасности. Каждый живет свою маленькую жизнь, не желая что-то менять. Семен тоже живет свою маленькую жизнь: работает, служит, верит... Самый обычный человек, в самом обычном, для такого человека, городе. И все в его жизни идет хорошо. Пока однажды Семен не встречается со смертью. Глаза молодого парня открываются широко и он понимает, что весь город – обман. Созданный с одной единственной целью...

Содержание

Пролог	4
Вера в лучшее	5
Заслон – вечный город	14
День живого человека	20
Выдающийся истребитель демонов	34
Во мраке тоннелей	45
Жернова	59
Ожог	74
Молитва	96
Если есть ад...	100
Гладиаторы приготовиться	113
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Алексей Котаев

Полумрак

Пролог

Сильнее! Надо выдавить! Выцарапать!

Я пишу на своей руке то, что я не хочу забыть! Чтобы не забыть!

Не забыть...

Не забыть, что?

Вера в лучшее

– ... и укроют они бетонным одеялом нас, грешных, во веки вечные...

– Аминь! – раздался голос Ваньки, что стоял за дверью в коридоре. – Опять, чтоль, молишься?

– Да, завтра дежурство. Не хочу, чтоб меня демоны пожрали.

– И за меня помолись! – дверь слегка приоткрылась, и мой друг сунул свою обросшую бородой морду внутрь.

– Уже помолился. Ты сегодня выступаешь?

– Да, ротация пала на сегодняшний день, хотя тихо было почти что две недели. Ты-то как? Выспался? Голова не болит?

– Бля, болит. Еще как болит... – я закрыл маленькую затертую книжку и положил в углубление в стене. Это специально для книжки я сделал. Мой маленький алтарь. Тут есть все: древнее писание, свечи, и пара амулетов на удачную дорогу.

– Это хорошо, что ты вообще проснулся. Я ключи от цеха принес, – Ванька швырнул мне связку. – Там шнек оставили невытый, но ты уж это... извиняй. Не ко мне вопрос.

– Да чтоб тебя... – боролся я с безумным похмельем, с трудом ворочаясь в своих шести квадратных метрах.

Моя комната была маленькой. Ровно настолько, насколько

ко и должна быть. Тут есть кровать, туалет и... все. Нишу в стене я сделал уже сам. Кровать вообще когда-то была двухъярусной, но сосед помер в прошлом году на дежурстве, а нового так и не подселили. Ярус забрали для каких-то других целей.

– Ты, мало того, что пьешь как дикий зверь, так еще и ругаешься. Ты точно верующий?

Я швырнул пыльный ботинок в дверь. – Дуй отсюда!

– Иду-иду. Ты вообще можешь меня завтра не увидеть, хоть удачи бы пожелал, – отдалялся голос, продвигаясь вдаль по коридору.

– Удачи...

Ванька сегодня выходит за пределы города, туда, где тоннели становятся узкими и темными. Тут, внутри бетонной сферы, тоннели тоже бывают узкими, но темными – никогда. Сколько себя помню, обслуживанию коридоров и переходов уделяли особое внимание. Здесь, глубоко под землей, это один из самых важных пунктов плана по выживанию.

Выковыряв из-под кровати пластиковую бутылку с водой я жадно ее осушил. Поспав всего пару часов перед рабочей сменой я, не то, что не выспался, скорее – устал. Сон был тяжелый и болезненный. Полный кошмаров и разочарований.

Пока я собираюсь, надевая не себя свою гражданскую одежду, состоящую из черной робы и серых штанов, за дверью начинает гудеть система оповещения. Утро началось, пора собираться. Следующий гудок ознаменует начало ноч-

ной смены в Заслоне. Заслон – дом. Мой, и миллионов таких же как я. Огромный комплект сообщающихся тоннелей и шахт. Спрятанный глубоко под землей и накрытый бетонной сферой, толщиной в несколько десятков метров.

Старики никогда не рассказывали про то, что за пределами сферы... нет, за пределами той толщи земли, под которой мы находимся. Не рассказывали потому, что не помнят. Память поколений очень странная штука. Избирательная. Люди из уст в уста передают то, как делать настойку на дохлых крысах, а вот почему мы под землей – хоть убей, отказываются вспоминать.

Историки ссылаются на великие катаклизмы. А я думаю иначе – нас всех в Ад сослали. В противном случае: откуда тут так много демонов, что так и норовят забраться под сферу, в Заслон, и пожрать тут все? Уж явно не ради настойки на крысах. Не ради полчища собак, что блуждают по коридорам, иногда попадаясь на съедение.

Звуки шагов за дверью стали громче, а значит общая масса плетется на работу. Я встал и отворил дверь в жилой тоннель. Кучи черных курток. Мелькали и серые, и синие, но в основном – черные. Черный был очень практичен. Грязь и сажа от обогрева помещений не так были видны на черном, как, например, на синем. Вот я и хожу в одного и того же вида одежде. Как и многие тут. В плане гардероба раздолья нет. Но одежда, все-таки, есть.

Толпа людей поволокла меня вперед, по тускло освещен-

ному тоннелю жилых задворок Заслона. Крутая лестница, с наспех выдолбленными ступенями, привела людей в тоннель побольше, посветлее. Тут стены не были похожи на неотесанную скалу. Каждый сантиметр породы был залит и обработан раствором, сглаживающим все неровности. Раствор, на самом деле, был нужен не для того, чтобы горожанин не поранился об острые камни. Так службы могли отслеживать трещины и расслоения между тоннелями, ведь если один тоннель рухнет, то он обрушит множество других, на уровнях ниже.

Я бреду по ровному бетонному полу, вытершемся от времени. Люди обволакивают меня и мою больную голову. В темном отвороте перед перроном замаячил свет и с жутким ревом вылетел синий поезд. Дальше на нем.

Железнодорожная сеть города развита настолько, что каждый значимый уровень имеет в своем распоряжении несколько десятков поездов и собственное депо. Вагоны тут давно не производятся, но исправно ремонтируются и обслуживаются. Многие стекла от времени высыпались и теперь на их месте красуются листы железа, реже – деревянные фанеры. Все это на скорости гремит и трясется, через щели в обшивке видно, как стальные колеса высекают искры в темноту перегона, но мне все равно. Также все равно, как и другим пассажирам.

В голове крутится молитва. Я раз за разом прошу великую силу дать мне пережить еще один безумный день. Что-

бы отмыть все свои грехи завтра, на дежурстве, уничтожая злых демонов.

Многие считают меня странным, но в чем странность? Каждую неделю я исправно хожу уничтожать уродливые исчадия лабиринтов. Демонов. Злых и кровожадных. Каждую неделю я вижу, как кого-то из моих содержных ранят или съедают. Многие говорят, что Бога нет, но откуда тогда эти уроды? Бог есть, только он отлучился ненадолго. И все мы – маленькие дети в очереди за дотацией, которых родители попросили подождать. Сейчас мы дойдем до женщины, что раздает мясо и Бог... мать... появится, и решит все за нас.

Бог – громко сказано. Мои древние писания описывают Бога как некую силу, всезнающую и всемогущую. Отходя от концепции человека, религия пришла к тому, что Бог – это нечто. Не человек. Ведь человек ограничен в своих суждениях, а вездесущая сила – нет. Я прочитал все книги, что были в библиотеке и с уверенностью могу сказать, что Бог давно эволюционировал и отказался от примитивной гуманоидной формы. Но это не важно, пока он есть – надежда для меня не угаснет.

Я надеюсь истребить как можно больше уродов. Надеюсь дожить до завтра, чтобы надеяться дожить до послезавтра. Даже сейчас, пока двери вагона наспех отодвигаются в стороны, я надеюсь...

Я мечтаю прожить побольше. Попробовать вкусной еды, насладится пением птиц в парке. Встретить девушку мечты.

Хочу завести собаку и приобрести комнату побольше. Хочу сына. Хочу денег. Хочу жить и чувствовать жизнь. Каждый вдох смрадного пыльного воздуха доставляет мне удовольствие. И я молю всем сердцем, приживая к груди медальон, чтобы головная боль от похмелья наконец-то закончилась. С ней жить как-то тяжелее.

Мрамор на стенах отразил свет ламп, и я вновь зажмурился. Чем дальше я от своего дома, тем светлее будет становиться. Как же хорошо, что я работаю в такой дали. Еще пару лет в тех потемках, и я спокойно научился бы видеть в темноте.

Мрамор огибал тоннель, смыкаясь на самом потолке. Закругленные своды выдавали следы древних проходческих машин. Тут лишь облагородили пространство, окончательно убедившись в том, что все надежно и безопасно. Красиво, ничего не скажешь...

С перрона люди переместились в огромный зал, посреди которого до самого потолка тянулась каркасная шахта лифта. Два этажа посадочных платформ были забиты людьми. Оставалось только встать в очередь. Зал был высокий, метров десять, может быть, пятнадцать в высоту. Неясно было, опирается потолок на шахту, или же металлическая паутина сама зацепилась за скалу.

Кабина вылетела снизу и остановилась в положенном ей месте. Двери на всех площадках открылись и люди начали забивать в и без того полные купе. Лифт юркнул вверх, оставив чернеющую дыру шахты.

– Мам, – раздался голос ребенка, прижатого к сетчатому ограждению пропасти. – а что там, внизу?

– Там тоже живут люди, – буркнул недовольный голос уставшей женщины.

– А под ними? На самом дне?

– Там тоже люди...

Ни хрена там нет людей! На самом дне – вода. Я тоже, когда мелкий был, допытывал батю такими вопросам. И он ведь не поленился – свозил меня. Посмотреть на это отвратительное и пугающее зрелище. То, что я там увидел, тронуло мое детское сердце так сильно, что эта вода, в бесконечно глубокой яме, снится мне в кошмарах до сих пор.

На самом дне жилых районов царит мрак. Лифт доходит до последнего этажа и едва касается затопленной шахты, оставляя мелкую рябь на черной воде. Там, внизу, под водой, нет даже привычного света, что висит в шахте каждые десять метров. Я помню, что, когда кабина скользнула вверх и дала разглядеть воду, я почувствовал ужас. Всем своим сердцем.

Тысяча метров вверх. И почти столько же – вниз. Я тогда и представить не мог, насколько это много. Даже сейчас не могу. Но под толщей черной воды скрывалась такая глубина, до которой человек никогда не смог бы добраться. Этот участок города был затоплен многие века назад, и уже давно оброс легендами и мифами. Эта, даже не основная, шахта, функционирует лишь на половину. Канаты давно укорочены и система работает исправно, но вниз она больше не ездит.

Под воду не ездит.

Помню, как противовес плюхнулся в воду, разбросав черные мрачные брызги протухшей воды. Я до сих пор не могу отмыться от них. Я тогда даже уровень разглядеть не в силах был. Чувствовал, что холодно, а почему – даже не думал. Отца тоже это донимало, но он держался лучше, чем я. А потом мы сели в прибывшую кабину, оказавшись над бесконечной затопленной шахтой и я подумал: «Если канат порвется, как долго мы будет идти на дно? Мы ведь точно до этого не доживем»

Мне тогда было лет семь, может восемь. Я больше ничего в жизни так не боялся, как этого затопленного куска шахты.

– Эй, – кто-то аккуратно дотронулся до моего плеча. – Ты запачкался.

Усатый дед ткнул пальцем на мое предплечье, и в тесноте человеческих масс я кое как поднял руку к своему лицу. Я тут же оглянулся, потому что это было странно. Время от времени меня кто-то пачкает в этой толпе. Именно по утрам. На руке затертая полоска черного мазута или еще какой пакости. Я спустил рукав, чтобы тоже никого не запачкать.

– Спасибо... – отвесил я, но усатый дед что-то буркнул и начал расталкивать людей, пробираясь к второму ярусу посадочной платформы.

Зачем я вспомнил про этот затопленный участок? Ну вот зачем? Я забрался в купе и голову вновь прошибла боль, от осознания, что под моими ногами не только тысяча метров

высоты, но и тысяча метров глубины, непроглядной воды, что сочилась в шахту многие века. Ком подступил к горлу, но в кабине было так тесно, что кадык не смог протолкнуть ком глубже.

Спустя десяток минут двери распахнулись и прибывшие начали распихивать тех, кто только ожидал посадки. Я всегда старался забираться в кабину на своем этаже последним, ведь моя остановка была ближайшей.

Словно одичавший я растолкал людей и спрыгнул с металлической посадочной платформы. И плевать было на недозвольные возгласы. Я хотел уйти подальше от этой проклятой шахты. Холодное обволакивающее ощущение погружения в ледяную воду отступало.

Я оказался на нужном мне уровне. Это был один из самых больших торговых и сервисных уровней. Он был, как там его называют... коммерческий.

Заслон – вечный город

Уровней много. Я не бывал и на половине. Вся моя жизнь сводится к работе, дежурству и сну.

Не отходя далеко от темы: дежурство, как его называют в народе, это такой вид обязательных работ. Все дееспособные мужчины, а иногда и женщины, обязаны отдавать долг городу, выбираясь в катакомбы за бетонным заслоном. Демоны сами себя не истребят, и, чтобы не повторять «кризис демонического застоя», работы по истреблению теперь проводились не раз в пару-тройку дней, а ежедневно.

Работы хоть и были обязательными, но, как и в любом другом деле, можно было отвертеться. По здоровью, или же по должности, которую занимал человек. Хотя... с должностью я погорячился. Вот, например, старший хирург освобожден от дежурств. Но вот его ассистент в дежурства ходит в два раза чаще, чем кто-либо другой. Нарбатывает опыт, так сказать. И только когда он станет достаточно опытным и заменит старшего хирурга на его посту – будет освобожден. Такая себе перспектива, но как-то работает.

И если с дежурствами все понятно, то с работой будет еще проще. Я работаю в цеху по подготовке мяса. Работа не самая грязная, зато самая вонючая. Все двенадцать часов смены я рублю туши, разделявая их так, чтобы не пропал ни один грамм мяса. Работаю в самом обычном цеху, которых

в городе с десяток-то точно наберется. Работа простая. Но и тут я успел наловить детских травм.

В первый же день моей работы с бойни пришел контейнер туш. Обычные собачьи туши, дохлые, тощие, слезавшиеся. Наставник разделал одну для примера: слил кровь, вырвал зубы, содрал шкуру... ну не суть. А следующую я уже должен был разобрать сам. Собак не резали на бойне, их душили. Каждая капля крови – ценный продукт, и уходит на бульоны или еще что похуже, так что проливать ее было нельзя. Да и с кровью внутри туша тяжелее, а значит продать ее можно дороже.

Черт меня тогда попутал начать зубы вырывать. То ли забыл, то ли не понял я про эти зубы... Так вот: начинаю я отрывать один из длиннющих клыков, и вдруг из пасти как хлынет кровь! Наставник насторожился, но, видимо, решил посмотреть представление до конца. Собака лежала на металлическом столе, разделочном, затертом, и внезапно завывала, моментально дернулась, вырвав морду из моих мелких рук. С чудовищными криками бедолага начала носиться по цеху, то и дело снося на своем пути различную утварь, ударяясь во всевозможные преграды.

Я тогда и про воду в тоннеле вспомнил, и про демонов, которых в те дни впервые повидал. Но это было не сравнить ни с чем. Я тут же плюхнулся на задницу. Даже не понял от чего заплакал, от обиды или от ужаса. Плешивая, избитая собака с окровавленной пастью кричала словно маленький

ребенок. Я не понимал, но чувствовал, что она просила не трогать ее. Пощадить.

Наставник оглушил ее железной трубой. Сначала по ребрине дал, а потом и по голове. Собака замолкла...

– Вот поэтому надо было сначала кровь слить. Так и так сдохла бы, – вот что он мне сказал тогда. А я сидел обоссавшийся, на заднице, посреди вонючего цеха и поверить не мог, что взрослая жизнь будет такой дерьмовой.

А потом – ниче. Привык.

А зубы вырывают, чтобы зубной камень и различные бактерии не портили блюдо, которому просто суждено храниться долго.

Вот такие вещи происходят в цехах на коммерческих уровнях. Люди не видят всего этого. Они привыкли получать мясо в пакете, уже готовое к использованию. Мы заготавливаем мясо, а соседний ресторан его готовит. Соседний магазин его продает. Иногда приходят люди из управления и, сверившись с бумагами, забирают очередную партию, чтобы раздать по талонам и дотациям. Собаки – ходовой товар, их много, плодятся быстро.

Приходилось работать и с свиньями, и с кроликами. Но собаки – занимают первое место по количеству потребленных килограммов.

Вот вспоминаю все это и на работу идти уже не хочется. Отвратительно мне. Даже в книжках моих написано, что жизнь священна, а город проверяет мою веру, спрашивая,

чья же жизнь священнее? Человека или собаки?

Человека.

Вот и весь ответ. Без тяжелых душевных терзаний. Вот только это ответ, который дают в школе, на работе. Этот ответ дают все родные и близкие. А я, систематически добывая еще живых зверей, не могу найти свой ответ. Ведь они тоже живые. Они тоже хотят жить. В отличие от нас, людей, их единственный интерес – сама жизнь. Они не пишут музыку, не печатают книги и не снимают кино. Они даже в сексе используют лишь одну позу. Им это не интересно. Им интересно жить: дышать, есть, размножаться.

Своды тоннеля стали выше, сливаясь с другим, более широким и парадным тоннелем. Все переходы и пути в Заслоне были разные. Датируются разной эпохой возведения, разными мастерами, разными надобностями. Те, что вырыты на скорую руку – жилы, те что получше – коммерчески, а вот уж совсем качественные и красивые – рекреационные и, по большому счету, правительственные.

Вот и я сейчас должен миновать «площадь», чтобы вновь продолжить идти по своему коммерческому тоннелю. И, если у входа в лифт, заведения умещались в два этажа по стенам коридора, то теперь я вижу и три, и четыре яруса построек.

Ах как здорово было бы сказать: «Красавица, пойдём ко мне, я живу на четвертом этаже Восьмого Парадного коридора».

А она такая: «Вау! Восьмой Парадный! Это же самый центр города! Выше нулевого горизонта! Оттуда до центрального парка – рукой подать!»

Но все это лишь в мечтах. Представить не могу, что нужно сделать, чтобы жить в таких местах. Вот, даже на этом безымянном уровне, проходя мимо фонтанов и разноцветных вывесок, я ловлю себя на мысли, что жить бы не смог. Не потому что я привередливый. Потому, что не положено.

Я до прошлого года делил шесть метров с мужиком, который постоянно кашлял и храпел. А тут – хоромы!

Тут пол выложен блестящей, пусть и затертой, плиткой. Стены с широченными мраморными панелями. Металлический потолок с вентиляционными каналами и россыпью софитов. Тут красиво и свежо. И это – безымянный коммерческий тоннель.

Я заикнулся про Восьмой Парадный. Ну так вот: это самый центр. Там тоннели такой высоты, что уместят в себя и десять ярусов апартаментов. Там потолки такие широкие, что по любой логике должны быть подперты колоннами. Но колонн нет. Голубой потолок такой просторный, что многие любят лишь им одним. Вент каналы не исписывают голубизну вдоль и поперек, они аккуратно закреплены на стенах, прямо над жилыми секциями.

Люди катаются по Восьмому Парадному на велосипедах и самокатах. Горожане сидят на лавочках у фонтанов, что не просто брызжут водой вверх. Вода как ручей бежит от одно-

го резервуара к другому, и в этой воде плавают птицы. Птицы иногда взлетают под самый потолок и садятся там, где им удобно, чтобы гадить на нас, простых смертных. Птиц много, они все разные. Яркие и цветные, водоплавающие. Там все другое. Там нет этих полудохлых собак, как на задворках Заслона. Там все звери ходят на поводке, вычесанные и вымытые. Вода в каждой комнате из личного крана и электричество...

А в довесок к электричеству еще и цифровые панели, что вещают фильмы в любой удобный момент.

Она говорила про парк, девушка из фантазий... Да! Там рядом есть парк! Такой же коридор, усаженный деревьями и травой. Яркие лампы обжигают глаза, но растениям это только на пользу. Там другой воздух. Там приятно дышать. Там белки прыгают по веткам, собирая орехи и хлебные корки, что суют им горожане. Стены украшены блестящим железом, а под ногами мягкая земля, на которую хочется лечь, и уснуть.

Жаль, что туда пускают лишь по пропускам и предписаниям медицинских комиссий.

Курорт...

И в Заслоне много таких необычных мест. Заслон – бесконечный город, который и задень не пересечь.

День живого человека

Я вытираю пот, что скапливается под белым комбинезоном, закрывающим мою голову. Ткань прилипает ко мне и не впитывает ни грамма влаги. Я прею, стоя на месте.

Чтобы ни один кусок мяса я не запачкал собой, приходится одеваться в спец одежду. Оно и к лучшему. Противно будет всегда вонять цехом, даже когда ты не на работе. Чувствую, что если бы носил домой провонявшие вещи, то однажды обнаружил бы собачий подкоп под своей дверью.

Я с трепетом снимаю шкуру, которая пойдет на переработку. Срезаю лапы, хвосты... Нет. Этого я рассказывать не буду. Это я и сам бы хотел пропустить.

В любом случае я провожу день как в тумане. Работа настолько въелась в меня, что я делаю ее машинально, умудряясь спать стоя с ножом в руке. Мне кажется, что многие профессионалы способны на такое. За десять лет работы в этом поганом цеху я настолько преуспел в своем деле, что могу работать с завязанными глазами.

Вот, задумался о том, что преуспел и понял, что топчусь на месте. Я, как попал сюда после школы, так и остаюсь тут. Что надо было сделать, чтобы оказаться на месте получше? Кем надо было быть? Я не хочу верить, что наша всезнающая система оценки знаний пропускает случаи вопиющего кумовства и коррупции, при которых дети правительства

становятся правительством.

Да не. Бред какой-то...

Я закончил.

Комбез в стирку, ножи в печь. Надо отдохнуть перед завтрашним дежурством. Хочу быть полон сил, когда буду убивать злых демонов.

Я ненавижу этих демонов. И даже если самый страшный исход окажется правдой, и мы все уже давно в аду – я не на секунду не перестану желать убивать злых демонов.

– Эй! – окрикнул меня начальник цеха, седой мужик, который вот-вот должен помереть от переработок. – Там аванс пришел. Не просри все за день!

– Да, да... – отмахнулся я, думая о том, что когда он померет, то его место, возможно, достанется мне. Дверь цеха захлопнулась, и я вновь оказался в коммерческом тоннеле.

Людей меньше не стало, и с минуты на минуту привалит еще партия работников. На смену нашей. День у людей начинается с работы. А мой начинается с магазина и продуктов, которые можно съесть в моей маленькой комнатке. Хотя нет! Я куплю полноценный ужин. Завтра важный день.

Микроволновки нет, поэтому я попытаюсь донести контейнер с горячим как можно быстрее, чтобы не сидеть среди этих хмурых лиц в столовой или кафе, а спокойно съесть еду дома. В тишине и уюте.

– Мне котлету из курятины и картофельное пюре, пожалуйста... – тычу я пальцем в меню и протягиваю свой пла-

стикový контейнер.

– С вас сто десять, – говорит грузный мужик в сетке на голове. На лысой голове. Я, как работник похожей отрасли, знаю зачем эта сетка выдается. Вот только на лысую голову надевать ее смысла маловато. Лучше бы он натянул эту сетку на свои усы.

– За вынос скидка. Новенький что ли?

– Умник, что ли? – мужик нажал пару клавиш на калькуляторе. – Давай сто.

Терминал оплаты пропищал, как только я поднес бумажку со своим штрих кодом. Я, честно говоря, понятия не имею сколько у меня там на счету денег. Да и проверять совсем не хочется, ведь это нужно идти на уровень экономического обеспечения и стоять в очереди для проверки баланса. А я... как-то забываю про это... Даже если там уже огромный минус, то тут ничего не поделать, я и так живу без лишнего шика.

Котлета плюхнулась в пластиковую миску и укрылась одеялом из картофельного пюре. Я закрыл крышку и обмотал все только что снятой спецовкой.

– Эй, пацан! – окрикнул меня продавец. – Ты побрякушку-то спрячь. Не гоже всем на нее глядеть.

– Спасибо! – я убрал свой медальон с прозрачным камнем под футболку и слегка прижал его свободной рукой. Совсем расслабился...

Этот камушек мне еще мать оставила. Перед тем как уме-

реть от туберкулеза. Она говорила, что он обозначает ту силу, которой я молюсь по утрам и перед сном. Маленький жук, застывший в желтом камне. Он уже давно мертв, но навечно отпечатался в пространстве и времени. Я держу этот камень и молюсь, чтобы со мной происходили только такие редкие и удивительные вещи, как с этим жуком. Шанс оказаться внутри камня ничтожен. Шанс стать счастливым – тоже. Но вот только у жука получилось...

Я вышел из забегаловки и слегка размял ноги. Потянулся, прогнул спину под удивленные взоры прохожих, и побежал.

Я уворачивался от идущих людей, перепрыгивал собак, пролетал лестничные марши одним махом. Вскарабкался на посадочную платформу лифта и протиснулся в кабину тоже одним движением.

Десять минут движения вниз и снова бег. Только теперь до вагона поезда. Если ты успел на лифт, то и в поезд бегом добежать успеешь. Куда удобнее было бы если бы все настроили под спокойный прогулочный шаг, но видимо это не для нашей стороны города. Возможно, в районе побогаче, люди успевают и на лифт, и на поезд даже не запыхавшись.

Тоннели становятся темнее, лестницы хуже, а стены обрастают острыми камнями. Я сбавляю темп, забегая в свой коридор, и надеюсь, что сердце успокоится, как только я пересечу порог своего дома.

Так и есть. За триста метров спокойной ходьбы сердце замедляется и кровь больше не бьет в уши. Вот я и дома.

Я аккуратно положил миску с едой на изголовье кровати, а сам улегся, укутавшись толстым ватным одеялом. Комната, за целый день без человека в ней, успевает остыть и первое время я всегда прячусь под одеяло. Сейчас оно нагреется и можно приступать к еде.

Еще горячая... Я добрался до дома ровно за двадцать минут. Если бы я не спешил, те весь путь растянулся бы до полу часа, а то и больше. Десять минут это ерунда, но у меня еще столько дел перед сном, что не хочется терять и столь жалкие крупницы времени.

Я достал свой камушек и поднес его ко лбу.

– Спасибо.

Спасибо за еду, что оказалась в моем доме.

Спасибо за возможность есть и спать в тишине и покое.

Спасибо за шанс прожить еще один прекрасный день.

Внутри бетонной сферы.

В безопасности.

И пусть демоны не потревожат меня.

Я открыл контейнер, взял палочки и принялся жадно кромсать котлету на мелкие куски. Перемешав мясо и картофель, я начал проталкивать все это прекрасное порождение гастрономического гения в свой рот. Тщательно прожевывая и без того мягкую пищу я с упоением наслаждался вкусом мяса. Вкусом картофеля. Это не самое дорогое блюдо, но оно всегда стояло для меня особняком.

Когда я жил с родителями, мать часто готовила это для

нас. Тогда и комнатка была побольше. И кухонный стол был всегда заставлен едой. Тогда даже Ванька приходил к нам, чтобы цапнуть мамкину котлету. Он не был из бедной семьи. Просто котлеты моей матери были вкусными.

Мне ее не хватает...

И отца – тоже.

Еда слегка притормозила в горле. Зачем я об этом думаю? Все же так хорошо начиналось! Я со второй попытки проглотил последний кусок и достал свою книжку.

Стих седьмой.

Смерть дарует покой и свободу.

Оболочка и все мысли, что таила она в себе, вернутся в вечное небытие.

Душа человеческая сольется с силой, что движет этот мир, став незримым проводником для живущих.

И лишь чистые помыслы позволят вести страждущих.

Они точно за мной наблюдают, отец и мать. И ведут меня сквозь все тяготы и невзгоды. В противном случае я уже давно подох бы на дежурстве, сожранный демонами. Или меня бы загрызла обезумевшая тварь на отшибе города. Или я заболел бы...

Я жив и здоров потому, что они предпочли следить за мной с того края, оттуда, куда я еще не добрался. Однажды и я там окажусь. Присмотрю за Ванькой, начальником. За людьми в лифте, чтобы они не рухнули в чернеющую воду. Придержу фанеру в вагоне, чтобы она не оторвалась на ходу.

А пока я тут, и я лишь ведомый.

Грустные мысли тут же отступили. Я словно ощутил, как в теплые объятия родителей падает моя душа. Стало так уютно, и я уснул.

– Вот черт! – очнулся я и глянул на часы. До подъема на дежурство оставалось не более пяти часов, а я даже помыться не успел.

Я тут же схватил свое полотенце, сменное белье и вылетел из комнаты, с грохотом закрыв дверь.

– Вот угораздило же, – ругался я, звеня голосом в коридоре. Люди в других комнатах уже давно спали, а я один как дурак тащусь в помывочную!

Лестница с закругленными осыпавшимися ступенями спустила меня в умывальную комнату. Я должен был оказаться тут сутра, но похмелье испортило все мои планы. Я вновь посмотрел на часы. Для меня это была глубокая ночь, как и для всех, кто проживает вокруг. Я даже не был уверен, что горячая вода или пар до сих пор поступают сюда. Да и вообще открыто ли там?

Была – не была. Я толкнул набухшую деревянную дверь и зашел в светлое, уложенное мелким кафелем помещенные.

Воздух сырой и теплый. Пахнет плесенью и мылом. В такие часы тут, скорее всего, не стоит ответственный за разделение узла на мужское и женское посещение. Обычно, в течение двух часов после рабочей смены, идет время для девушек. Потом, час для мужчин. А потом, ответственный за

разделение прибирает умывальную комнату и уходит.

Но почему тут открыто?

Звук льющейся воды донесся из комнаты с душевыми.

– Эй! – крикнул я во весь голос. – Есть там кто?

Ответа не последовало. Если и есть кто-то, то не слышит.

Ладно... тогда сначала в парную. Отогреюсь, и, быть может, дождусь, когда из душа уйдут люди. Не хочу их смущать.

Я открыл железный ящик и аккуратно сложил свою одежду и чистое белье. Полотенце, предусмотрительно, взял с собой.

Очередная деревянная дверь, что еле помещалась в дверной косяк, отворилась и в лицо ударил горячий воздух.

– Зашибись... – я расселся на деревянном полке и стянул с себя полотенце. Только так тело сможет расслабиться и прогреться полностью. Дернув вентиль подачи пара, я почувствовал, как воздух в комнате раскаляется до предела.

Пот ручьем начал стекать с меня, а дыхание перехватило. Нос жгло горячим паром и дыхание становилось чистым, но тяжелым.

Я сижу в парной каждый раз перед походом в душ. Нет смысла смывать с себя грязь, если грязь из тебя не вышла. Это древний ритуал. Сердечники и гипертоники им, конечно, не пользуются, но такие люди и в дежурства не ходят. Так что на каждый минус находится и плюс.

– Так, – произнес я, вставая с полка. В голове начало мутнеть, и я решил, что пора бы уже и помыться.

Я встал и дверь открылась. Мутным взглядом я увидел девушку, что прижимает к себе серое затертое полотенце. Она увидела меня и вдавила полотенце еще сильнее. А я дернулся за своим.

Дернулся и тут же споткнулся.

Падая я прикрыл срам, не думая о том, что это сейчас было не главное. Я скатился по стене и прислонился спиной к паровой трубе.

Вот клянусь! Я почувствовал, как кожа зашипела, жарясь на раскаленном металле.

– Ай, блядь! – взвыл я, совсем забыв, что не один в парилке.

– Господи! Ты в порядке? – девушка тут же подорвалась к мне и свободной рукой помогла отодвинуться от трубы.

Как только я отлип от железа, вновь воцарилась тишина.

– Эм... ты прости, я это... – мямлил я, пытаюсь не стонать от боли. – Я думал тут никого. Точнее... я думал уйдут. Я крикнул, честно. Никто не ответил...

– Да... я... ты прости, что напугала... – девушка отшагнула от двери и я решил, что пора бы уже идти под душ. Холодная вода мне сейчас не помешает.

– Да ничего... я это... пойду.

– А... да, ага.

Это было самое глупое знакомство в моей жизни! Я пулей вылетел из парной и забился в самую дальнюю душевую кабинку. Как можно дальше от девушки. Мало того, что она

видела меня голым, так еще и в таком идиотском положении...

– Вот бя... – выпускал я воздух вперемешку с ледяной водой.

А самое обидное это то, что я даже разглядеть ее не успел! Но внизу живота все равно зашевелились змеи. Я в помывочной наедине с девушкой. Я в помывочной... Наедине с девушкой!

В соседней кабинке включилась вода. – Болит?

Да что она творит то? Она одна в помывочной со мной!

– Немного, – еле сдерживался от смущения я.

– Я, правда, не хотела... – продолжала извиняться девушка и мне стало неловко.

– Да ничего. Это я виноват, что проспал часы посещения, – я сделал воду чуть теплее и спину зажгло огнем. – Ты иди, я не буду смотреть. Я постою тут еще немного.

– Да нет, я как раз по этому... – засмушалась она.

А вслед за ней засмушался и я.

Я выдержал паузу, пытаюсь сконцентрироваться на своей спине. Обожгло, как назло, там, куда я физически не дотянусь.

– Я фельдшер, – сказала соседка по душе.

И я выдохнул. И расслабился.

– Тогда могу я попросить тебя о помощи?

– О, да! Да, только подожди, – она выключила воду. – Я вытрусь и принесу аптечку.

Я вновь сделал воду холоднее и вскоре продрог до костей. Сейчас бы в парную, но спина меня не простит.

Я надел трусы и, на всякий случай, обмотался полотенцем, чтобы сохнуть не в своих рабочих штанах. Сев на лавочку посреди раздевалки, я принялся ждать, пусть и не надеялся, что девушка-фельдшер вернется. Но она вернулась.

– Прости, бегала до комнаты. Не успела сдать инвентарь.

– Да не. Не извиняйся. Я сам во всем виноват, – я демонстративно, и чисто машинально, почесал затылок, – Глупо как-то вышло.

– Ладно, давай наклонись-ка, чтобы растянуть кожу. Только не переусердствуй, – девушка положила ледяную ладонь мне на лопатки. Внезапно стало легче.

– Так?

– Уууу... – прозвучало протяжное эхо по раздевалке.

– Что там?

– Плохо там все. Я думала мазью отделаемся, – вдруг уверенно заговорила она. Она...

– Я Семен...

– Лиза, – девушка ковырялась в своем чемоданчике, полностью сконцентрировавшись на медикаментах.

– Ты на работе задержалась? – пытался я разбавить тишину, что придавала ситуации скомканности и неловкости.

– На дежурстве.

– Прости что отбираю у тебя драгоценный сон.

– Да ничего, я уже привыкла. Каждое дежурство так. То

руки, оторванные собираю, то раны зашиваю.

– Не женское это дело.

– Ну уж лучше, чем винтовку в руках держать.

Ее голос был таким сосредоточенным, что мне становилось легче. Видимо мне повезло натолкнуться именно на нее. На врача. Будь на ее месте проститутка, то я, наверное, заработал бы что-нибудь не совсем полезное для здоровья.

– Хреного это...

– Угу...

Мы еще немного помолчали, а потом Лиза достала то, что так искала и вновь прикоснулась ко мне своей холодной рукой. Прямо к ране. Я стиснул зубы и решил отвлечь ее от своих страданий.

– А мне завтра на дежурство. Точнее – сегодня.

– Я думала служители не ходят на дежурство.

– А? А! Так ты про это? – я поднял свой камушек, что никогда не снимал с шеи и занес его над плечом. – Я не служитель. Это от матери досталось. Нет, не... я верующий, но я не служитель. Я как-то не думал о служении и прочем. Я просто... Эммм... Просто верю, что ли.

Слова валились из моего рта словно плохая выпивка, рвущаяся наружу. То ли от волнения, то ли от боли, но я не мог заткнуться.

– Я, вот, не верю. Если бы и существовало что-то поистине мудрое, то не было бы всех этих демонов и покалеченных людей...

– Да нет, это не так работает...

– Все. Я закончила.

Она прервала меня на полуслове, и я вдруг осознал, что только что чуть не испортил лучшее свидание в своей жизни.

– Футболку-то можно надеть?

– Нет. И спи сегодня на животе. Завтра надевать только чистое и...

– Что «и»?

Лиза вновь засмушалась и молча начала собирать чемоданчик.

Вытащив все свои вещи из шкафчика, я аккуратно сложил их на руке. Странно это было, но девушка, будто бы, ждала, пока я соберусь. Мы вместе вышли из помывочной и пошли по мрачному, слабоосвещенному коридору. К лестнице.

– Мне вверх, – остановился я у ступеней.

– Мне вниз. Я живу на два тоннеля ниже. Шестая комната слева от лестницы.

– Это ты...

– Я к тому, чтобы ты зашел завтра. Промоем ожог и снова помажем.

Да, это было ее «и». Я машинально улыбнулся. Вот прямо совсем чуть-чуть. На миллиметр!

– Не обольщайся, – подрезала она меня. – Я только помогу вылечить ожог.

Сказала она это и быстро начала пересчитывать ступени, направляясь к своему тоннелю.

А я стоял и крутил на языке: «Да, представляешь, на Восьмом Парадном. Будем смотреть на фонтаны по утрам и на чудных птиц»

Это было лучшее свидание в моей жизни, пусть во мраке коридора я так и не смог нормально разглядеть Лизу. Я крепко сжал свой медальон, в очередной раз убеждаясь в том, что на каждый минус найдется не меньший плюс.

Люблю этот ожог.

Выдающийся истребитель демонов

Опять эта паническая атака. Я стою посреди светлого коридора, в очереди на мед осмотр. Огромная стальная стена отделяет проход через бетонную сферу от нашего города. Я чувствую себя ничтожно маленьким, стоя посреди холодного кабинета врача. Его ледяные руки прикасаются к моей груди, а я лишь через тысячу лет чувствую их прикосновение.

Кончики моих пальцев трогают медальон, но я не понимаю, сжал я его или нет. Сердце колотится так медленно и так тяжело, словно проталкивает по венам не кровь, а желе.

– Следующий, – громко кричит врач, и я забираю свою одежду.

Меня осмотрели. Я здоров. Но как я могу быть здоров, когда меня по рукам и ногам сковывает мандраж? Меня вот-вот вырвет. Прямо на железный пол, замытый от крови так плохо, что я все еще вижу ее, будто она затирка между панелями из стали.

Надо взять себя в руки.

– Ваш паспорт, пожалуйста, – холодно прозвучал интендант. Для него провозить через стену – обычное дело.

– Да, без проблем, – я протянул все тот же клочок бумаги со штрих кодом. Он затертый и помятый, но нового получить я сейчас не могу. Срок годности не вышел. Некоторые

умельцы собственноручно дорисовывают полоски на своих бумажках, но шанс, что чернила поплывут в разные стороны и лишать тебя твоего документа и средства оплаты – слишком велик.

– Да, вы в списке. Проходите в оружейную.

Я вижу этого мужика каждую неделю, словно он работает тут без выходных. В какой бы из дней я тут ни появился – он тоже тут. И каждый раз он так же холоден. Я даже его имени не знаю, а хотя видимся с ним чаще, чем я встречаю своих редких, но хороших друзей.

– Сегодня мы чем будем заниматься? – решил я завязать разговор, пока за мной не появился следующий.

– Иди в оружейную, там все расскажут, – вновь холодно ответил он.

Сказано – сделано. Проходя через огромную буферную зону, которая спокойно могла отправить на разведку тоннелей несколько автомобилей, я уткнулся в собранный из толстых листов металла куб. Это и есть оружейная. Винтовки и боеприпасы хранятся за кучей замков и доступ к ним строго ограничен. Не больше одного человека на вход. Один вышел – другой зашел. Следят за выдачей инвентаря трое. Пока один из них выдает, двое других, обычно, стоят с пулеметами наперевес.

– Добрый день! – поприветствовал я присутствующих.

– Ночь на дворе, какой день? – усмехнулся тот, что сидел за столом. – Паспорт давай.

– Вот, пожалуйста.

Мужик просканировал бумажку и аппарат противно пропищал. Бумажка вскоре улеглась в сейф. Стандартная процедура. Пока я не сдам все, что взял – паспорт не получу.

– Такссс... Стандартный набор... Укороченный ТВС... – мужик достал с ближайшего стенда короткую винтовку.

– Есть, – ответил я, крепко сжав ее в руках.

– Фонарь... и... шесть магазинов к винтовке.

– Есть!

В руки мне лег фонарь с специальной магнитной защелкой, для крепления его на шлеме. Еще теплый. Только что с зарядки.

– Тут самоспасатель, одежда и ботинки. Шлем сегодня только открытый. Закрытые в обработке.

– Ничего страшного. Главное, чтобы был.

– И нож.

– Судя по набору – я в штурмовой группе? Авангард?

– Верно мыслишь. Ты в составе звена «Альфа» будешь проводить зачистку новообразованного тоннеля. Следом идет группа прикрытия. За ними – кабельщики. Потом арьергард и медики.

– Кабеля для света или для взрывчатки?

– Как пойдет. Нынче вешаем и то и другое.

– Не подорвемся?

– Не должны.

Я сгреб в охапку все, что получил и направился в буфер-

ную зону. Там, на железных скамейках, плохо протертых от крови, я начал снимать с себя все, что было моей гражданской одеждой и вдруг понял, что страх прошел, стоило только взять в руки оружие. С ним я чувствую себя куда спокойнее, находясь в такой близости от злых демонов.

Штаны с кучей мелких, сшитых между собой пластин из пластика и металла. Наколенники, защита голени. Сверху сядутся высокие кожаные ботинки на крепкой шнуровке, что моментально снимается с крючков на обуви и становится импровизированным жгутом. Нательное белье, что впитывает влагу, и куртка.

Куртка – произведение искусства. Огромное количество различных фиксаторов, куча липучек для подсумков. Ремни для медикаментов, различной оснастки и электроники. Пластины брони тут были из карбона и куда крупнее и массивнее, чем на штанах. Куртка защищала все самое важное. Если прокусят ногу – ничего страшного, заживет. Если прокусят легкое – смерть от асфиксии, болезненная и неприятная, потому что медики не всегда способны оказать соответствующую помощь под очередями выстрелов.

Я затянул шнурки и встал во весь рост. Ярко желтая куртка с кучей светоотражающих элементов застегнулась под самое горло. Жесткий воротник оказался поднят и подбородок утонул в нем. Шесть магазинов я развешал так, чтобы было удобно их доставать. Два легли горизонтально на левый бок. Два вертикально на грудь и два, снова горизонтально, под

правым плечом.

Почему под плечом? Когда прижимаешь к ним руку – удобнее гасить отдачу. Да и винтовка располагается под небольшим углом. Гильзы летят так, что не отскакивают от стены тебе в голову. Бывало, по-первости, горячие гильзы залетали даже за воротник, заставляя терпеть их во время боя.

Эта такая же мелочь, как и крепить бочку самоспасателя за спиной, а не вешать на лямку через плечо. Самоспасатель, хоть и важная штука, но пригождается один раз на тысячу. Штука несет в себе запас кислорода, рассчитанного на десять часов. Полезно при завалах и обрушениях, однако: обрушения очень редки. Да и, оказавшись под завалом, ты скорее умрешь придавленный тоннами грунта и скалы.

И винтовка... ТВС. Tактичeская винтовка специальная. В длину не больше локтя. Но если разложить приклад, то такой уж маленькой она не кажется. Толстый ствол оснащен штатным глушителем, чтобы грохот в тоннелях не вызывал осыпание пыли и сход сыпучих пород. Пыль... она, ведь, если поднимется, то ни черта же не видно. Но я говорил о винтовке: ты пристегиваешь ее к кольцу подмышкой один раз за смену. И отстегиваешь – тоже один раз. Иначе потеряешь.

Все эти хитрости показали мне те, кто воевал тут еще до меня. Это не безоговорочная истина. Это лишь смекалка людей, что пробыли на передовой дольше меня.

– Построиться! – прозвучал командный голос.

Я обернулся и увидел человека с красной повязкой на правом плече. Это авангард. Мне к нему.

Затянув покрепче свою повязку и, закрепив бочку само-спасателя на поясе за спиной, я трусцой подбежал к командиру звена.

– Быстро ты, – грубый голос проходил через закрытый шлем, попутно отражаясь от высокого воротника.

– Стараюсь, – встал я напротив и положил руки на ТВС. Командир обошел меня и удовлетворенно кивнул. – Молодец. Сколько у тебя было вылазок?

– Пятьсот сорок три!

– Сколько тебе лет, сынок? – командир поднял забрало шлема, показав исписанное шрамами лицо, что белели на грубой синей щетине. Мне, даже, показалось, что у командира нет одной ноздри. Суровый мужик попался. Никогда его тут не видел.

– Двадцать семь.

Мужик достал самокрутку и поджог ее прямо тут, в буферной зоне. Складывалось такое ощущение, что он тут главнее всех, хоть и ходит в зачистку.

– Это, выходит, что ты не пропустил, почти, ни одного дежурства?

– Ни одного.

– Игорь, – командир протянул руку, – Я с северных ворот. Сегодня командировали сюда. Рад, что буду в авангарде с таким ответственным бойцом.

– Рад служить, – я растерянно пожал ему руку, так и не поняв, чем же приглянулся.

К тому моменту, как самокрутка Игоря начала плавить его щетину, подоспели еще трое. Командир выплюнул уголек на блестящий пол и приказал построиться. Снова.

– Вошкаетесь как насекомые в волосах у бабы, – недовольно фыркнул он, оглядывая звено. – В тех волосах, что между ног.

Все виновато молчали, а я пристально смотрел в его серые и пустые глаза. Сколько он сделал вылазок? Тысячу? Нет, мало... я на полпути к тысячнику. Может полторы? Нет, полуторники не шутят шутки. Две или три тысячи? Или лучше измерять его вылазки в часах, а не штуках? Игорь был не из мяса. Он был железный. Из мяса был я. А ребята рядом со мной и подавно из чего похуже. Стоят и трясутся. Ни мешок для пустых магазинов не подготовили, ни винтовку не закрепили.

– Ладно, дурачье, бросьте свои винтовки вперед! – усмехнулся он. – Если винтовка пролетит больше метра от вас – сотня отжиманий. Если она еще и выстрелит при этом, то это тюрьма. Готовы?

Блядь! Я отчетливо слышал, как щелкнул чей-то предохранитель.

– Бросай!

Моя винтовка осталась висеть. Остальные полетели вперед. Слава Богу – ни одна не выстрелила.

– Разминка началась. Взяли свои винтовки и начали отжиматься, – Игорь вновь достал самокрутку. – И молитесь! Каждый должен молиться перед выходом! Если молитва из ваших уст затихнет – назначу штрафное дежурство. Поняли?

– Да! – с отчаянием в голосе произнесли другие ребята.

– Выполнять!

Я остался стоять и слушать, как пацаны коверкают абсолютно все строчки из самых распространенных молитв. Один, так вообще повторял только «...да помоги мне вернуться живым в мой кров...»

– Ты проходил специальную подготовку? – командир протянул мне папиросу, и я послушно ее взял.

– Нет. Я наблюдал за старшими. Специальная подготовка это не для меня.

– Эт почему еще?

– Я всю жизнь был верующим, как и вся моя семья. Никто даже не допускал мысли, что я перейду на постоянную основу. На службу.

– Пути неисповедимы, – вырвал из контекста священного писания Игорь. – В этом мы похожи. Я тоже из религиозной семьи. И тоже не хотел становиться постоянным боевым командиром. И начинал как ты. Возможно, в скором времени, и тебе доверят командовать. Только сначала: курсы, тренировки, дрессировки...

В этом он был не прав.

Может мы и начали с очень похожих позиций, но я таким

становиться не собираюсь. Как бы сильно я не ненавидел демонов, знаю, что ненависть в жизни не главное. Если отдать-ся ей целиком – потеряешь человечность. В жизни столько хороших вещей, что места для ненависти в ней должно быть совсем чуть-чуть, чтобы насладиться всем остальным. Истреблять демонов для меня – хобби. Не работа.

Странно звучит... Хобби. Люди в страхе трясутся перед выходом. А я не пропустил ни одного дежурства. Я с трепетом прижимаю к себе ТВС, выжидая минуты до того, как прозвучит серена и стальные ворота откроются.

Я молюсь каждый раз, чтобы вернуться целым и невредимым. И каждый раз возвращаюсь. Почему? Потому, что несу великую волю того, что стоит над нашим миром. Надо мной, городом, и Игорем из стали, у которого, по-видимому, даже колени не сгибаются, так уверенно он стоит на ногах.

– Что, задумался? – выдернул меня командир из размышлений. – Заманчиво, правда? Зарплата огромная!

– Да, – солгал я. Толку-то от зарплаты, если ты, мало того, что тратить ее не успеваешь, так еще и сдохнешь в любую минуту.

Уклад есть уклад: исполняй раз в неделю свой долг и живи себе счастливо.

– Вы че к полу прижались, дебилы? – вдруг закричал Игорь.

– Так экипировка... – прошипел парень, что был ближе всего ко мне.

– Хрен с вами! Построиться! – к тому моменту как Игорь поднял бойцов все остальные звенья уже были готовы выступить. – Играем еще раз. В этот раз наказание будет жестче.

Карабинчики, что держат винтовки на куртках синхронно защелкнулись.

Игорь громко рассмеялся. Играть времени уже не было. За его спиной начали мигать сигнальные лампы и взревела сирена, что нагоняет жути на всех, кто оказывается в буферной зоне.

– Ну так что? Кто любит убивать злых демонов?

Улыбка растеклась по моему лицу, и все звено хором крикнуло. – МЫ!

Но Игорь ткнул пальцем только на меня. – Нет. Вот он любит. А вы так, еще только пробуете.

Огромные стальные ворота с диким скрежетом начали распахиваться в разные стороны. Привода, что тащили их за собой надрывались из последних сил, брызгали во все стороны маслом, но тащили сталь.

– Этот тщедушный, – Игорь указал ладонью на того, что был ко мне ближе всех. – остается тебе. За двумя другими пригляжу я. Так будет честно. Если я помру, то командиром будешь ты. Так как тебя там зовут то?

– Семен.

– Ну давай, Семен, с Богом!

Наше звено моментально перешло на бег и вылетело из светлой буферной зоны в мрачные и узкие тоннели. Катаком-

бы демонов никогда не отличались убранством и комфортом.

Остальные отряды пристально глядели на часы, отмеряя минуты до того, как пойдут следом.

– Бегом! Бегом! – бубнил командир в закрытое забрало. – Смена всего одиннадцать часов. Кто не успеет – будет ждать пересменки за закрытыми дверями!

Во мраке тоннелей

– Последний аванпост, ребята. Помашите видеокамерам на прощанье! – продолжал шутить Игорь.

Аванпост – это лишь название. Тут не было ни бойцов, ни укреплений. Тут только камеры видеонаблюдения и датчики движения, на случай, если свет от редких ламп окончательно погаснет.

– Командир, – обратился я, застегивая шлем покрепче. – Маршрут разведан?

– И да, и нет. Наш путь отмечен на карте, но вот ответвления – новые. Недавно прорыты, так что смотреть придется в оба.

– Понял.

Мы прошли две старые видеокамеры и начали углубляться в узкий тоннель. Мелкие осколки скалы хрустели под ногами, поднимая пыль, что слежалась с последнего похода людей. Группу, что должна была идти за нами, не слышно, а значит мы движемся верно. Плохо будет, если демоны нападут на кабельщиков. Они, ведь, не дежурят. Просто работают, куда пошлет городская управа.

Привыкнув к звуку шагов, я понял, что воцарилась тишина.

– Эй, – обратился я к тщедушному пареньку, что тратил все силы, чтобы сжимать в руках ТВС. – Тебя как звать то?

– Леха. А тебя?

– Семен, – протянул я ему руку, бросив винтовку болтаться подмышкой. – Тебе лет-то сколько?

– Восемнадцать. А вам?

– Мне двадцать семь. Можно на «ты», – поправил я парня.

Вот смотрю на него и понимаю, что когда-то был точно таким же. Это, наверное, его десятая вылазка. Явно не больше.

– Семен, а какая у нас сегодня задача?

– Ты не спросил в оружейной?

– Нет, – скованно отвечал он. – Обычно, командир объясняет перед выходом.

– Не всегда. Старайся впредь узнавать сам. Командир не может думать за тебя постоянно. Так что... будь чутка ответственной.

– Ага, понял.

Да ни хрена он не понял. Такое хрен запомнишь, особенно, когда трясешься в страхе перед мраком тоннелей.

– Наша задача расчистить путь для кабельщиков... чтобы можно было заложить свет и взрывчатку в тоннелях. Свет – чтоб было светло, взрывчатку, чтобы подорвать тоннель, если демоны попрут толпой.

– То есть, за нашими спинами будут монтировать взрывчатку, пока мы охраняем коридоры впереди?

– Ага. Не очень обнадеживающе, но казусов, обычно, не случается.

– Эххх... – выдохнул вдруг Леха. – Угораздило же меня...

– Отмазаться хотел?

– Угу... Вы только не обижайтесь, но не мое это, – он, вдруг, начал шоркать ботинками. – Я, ведь, в местном оркестре играю. На фортепиано.

– Ноги поднимай.

Он вдруг оцепенел.

Не плохой парень, сразу видно, но витает в облаках. Быть может я смогу его чему-то научить. Меня же научили.

– Леха! Поднимай ноги, говорю. Не слышишь? – вдруг одернул я его за плечо. – Чем меньше шума издаешь, тем раньше заметишь опасность. Ступай мягко. Ребром стопы. Вон, смотри на командира!

А тот, и вправду, шел беззвучно. Даже земля под ним не проминалась. Если меня раздражает шорканье ботинок, то Игорь, наверное, просто в ярости.

– Фига се! – возбудился пацан. И тут же начал пробовать. Получалось неуклюже, но очень неплохо.

– Так. Давай-ка пробежимся по интересным моментам. Ты, наверное, не успевал все подметить, но оно все и не сразу приходит, – я слегка оттянул ремешок, что держал шлем, уж больно он челюсть натирает. – Видишь, как я разместил магазины? Делай так же.

Треск липучки заставил командира обернуться. Но не более. Паренек смекнул на ходу и расположил все на своей куртке так же, как и я. В тоннелях становилось темнее, и Игорь отдал команду включить фонари.

Я щелкнул выключателем на лбу и свет озарил спины впереди идущих.

– Семен, а зачем правые магазины так?

– Опора для плеча, чтоб не болталось. И не натираешь предплечье железом, что болтается на боку. Чувствуешь, что рука увереннее держит винтовку?

Он вскинул оружие, не направляя ствол в спины ребят. – Ага. Теперь понял. Только чуть боком.

– Об этом не заморачивайся. Носи так.

– Может еще что-то важное есть? – заинтересовался пианист.

– Ну, например...

– Приклады! – крикнул Игорь.

Все звено моментально разложило оружие и уперло его в плечи. Те, что впереди, спокойно отнеслись к приказу. Леха замешкал. Он явно самый зеленый. И зачем командир повесил его на меня?

Я, не дожидаясь приказа, включил подствольный фонарь и упер свет в землю. Мы шли в полной тишине, в напряжении. Я вглядывался под ноги долго, пытаюсь понять, что же тут не так.

– Командир, – приглушенным голосом окрикнул я Игоря. – Земля ровная.

– Я заметил. Вытоптали, твари.

Леха вдруг вклинился в разговор, – Семен, а почему вы ненавидите демонов?

– Они убили моего отца. Точнее – сожрали, – я даже не задумывался тогда над ответом. Не до этого было. Будь это обычный разговор – я бы отвертелся. Но не сейчас. Голова занята была другим.

Тоннель становился уже. Я специально не светил фонарем по сторонам, чтобы Леха не видел следы когтей, что выцарапали этот проход в скале. Я ловил это краем глаза, представляя, какие же здоровенные лапы были у тех уродов, что копали тут землю. Да какую землю! Скалу!

Я уже обмолвился о том, что гильзы имеют свойство скакать по тоннелю, отталкиваясь от стен. Так вот это были не просто слова. Мы шли с Лехой в ряд, и места для двоих становилось все меньше, видать, порода здесь была крепче обычного, и демоны не заморачивались. Тут установят заряд. Но до того, как это произойдет, неровен час будет стычка. И тогда скала, что находится от меня в полуметре, начнет возвращать мне раскаленные гильзы прямо в лицо.

– А демоны, они какие? – вдруг спросил меня пианист.

Я остановился.

Командир тоже.

Мы смотрели на Леху глазами полными испуга. Нам, вдруг, стало еще страшнее, чем ему. Даже те, ребята, что молча шли рядом с командиром, тоже обернулись. Эта новость стоила того, чтобы остановиться.

– Что за бардак у вас на восточном выходе? – обратился ко мне Игорь.

Я и не знал, что ответить. Промолчал.

Для меня это тоже было в новинку. Меня сунули в авангард только после трех столкновений. После рапортов командиров и всего прочего.

Мы прошли уже с километр. Обратного идти не было смысла. Дождаться группу прикрытия и обменять его? Нет, ерунда. Они откажутся.

– Наверное, разведка доложила, что встречи не предвидится, – вдруг вырвалось у меня.

– Сам-то в это веришь? – шипел в забрало Игорь, стараясь не повышать голос. Пианист сжался.

Нет. Я в это не верю.

– Блядь! Разведка! Да ваша разведка совсем под ноги не смотрит, чтоль? Тут же пол часа назад шли уроды!

Игорь был прав. Земля была ровная и утоптанная. Даже если тут и проходили люди, сотня демонических лам утрамбовала и их следы, а с последней смены минуло всего два часа.

Я сделал шаг. Игорь все понял и тоже повернулся по направлению чернеющего тоннеля.

Свет ламп закончился быстро, и чувствуется, что где-то за спиной электрики уже тянут новую кабель, наращивая линию освещения. А мы находимся в крошечной темноте. Фонари выгрызают клочки тоннеля, но не дают общей картины. Белые пятна судорожно дергаются на стенах, потолке, на полу, но как бы они не старались – впереди чернота. Мы про-

шли еще с километр.

И Игорь остановился на развилке. Один тоннель уходил перпендикулярно нашему. И был очень узким. И очень свежим. Следы когтей белели на камне, и я провел по ним рукой.

– Пыль тонкая, – подметил я.

– Свежак. Дальше идти – плохая идея.

– Почему? – ворвался в разговор пианист.

– Потому, что нас отрежут, – раздраженно ответил командир. – Что будешь делать, если на нас нападут с двух сторон?

Тот виновато промолчал. Видно было, что понял. Снова испугался.

Я приставил палец к губам, и все замолкли. Даже двигаться перестали.

Я вглядывался в черноту нового тоннеля, ловя легкий ветерок. Ветер был теплый, и я затаился им еще сильнее. Никаких запахов. Ветер не нес с собой ничего. Ни смрада, ни звуков.

– Там пусто, – вдруг вырвалось у меня, хотя я и право-то не имел говорить такое.

– Это ты как так? – удивился Игорь. – Они, если притаились, то не услышишь.

– Да нет. Вони нету, – уверенно сказал я. – Они же смердят как дохлые.

– Давно пора бросить курить. Может проживу подольше, – усмехнулся командир, и вместе с ним все выдохнули. – Уве-

рен?

– Да. Уверен.

– Идем дальше, – скомандовал Игорь и пристально посмотрел на меня. – Это будет на твоей совести.

Как легко он скинул ответственность. Или не скинул, а просто уверен, что выживет. А может и сам уже давно понял, что ответвление пустое. Станный мужик. Явно лишнего не скажет. Мне начало казаться, что он хочет посоревноваться со мной. Вот только я не понял, какой в этом смысл.

Игорь был намного опытнее меня. Намного сильнее и свирепее. Я не видел его в деле, но это чувствовалось. В том, как он идет, как держит оружие. В том, как говорит. И если он вдруг решил найти себе приемника, то явно обратился не по адресу. В моем сердце ненависти к демонам хватает ровно на одну вылазку в неделю.

Отца сожрали. Но ведь тут у половины населения кто-то умер на дежурстве. Я не первый такой. И уж точно не последний.

– Командир, а вы за что ненавидите демонов? – решил проверить я свою теорию.

– Хм... – он вдруг опустил оружие и достал самокрутку. – Я, в принципе, такой же, как и ты. Уроды загрызи отца. Он был служителем в церкви, но на дежурства ходил исправно. Сожрали в арьергарде, когда прикрывал отступление.

– Соболезную... – выдавил я. Хотя я и не соболезнавал. Что в этом такого?

– И мать... Она была полевым медиком. Хотела стать неврологом при муниципальной больнице, – он вдруг сделал глубокую затяжку, и я понял, что это не все. Но он замолчал.

– Есть ведь что-то еще, да? О чем не хотите говорить. Если не хотите, то не надо.

Он подманил меня к себе ладонью, и я сократил дистанцию. Это он хотел сказать только мне.

– Как боевому товарищу... – он швырнул уголек вперед, высекая искры об стены. – Когда уроды оторвали мне стопу, я валялся в луже собственной крови и уже прощался с жизнью. Моя невеста бросила работу в положенном ей звене и помчалась спасать меня. Как только жгут на голени прощелкал три раза – ее утащили. Я ничего не смог сделать. Знаешь, что они делают с теми, кого забирают живьем?

– Медленно жрут, пока мясо теплое.

– Находил уже трупы?

– Нет, старшие рассказывали.

– Я, спустя полгода, когда привык к новой ноге, выпотрошил все их гнездо. И знаешь, что я там нашел?

Я помотал головой.

– Ее волосы. Они сожрали все, оставили только скальп.

Меня чуть не вырвало от его рассказа. Я жестом попросил у него сигаретку и тут же ее подкурил. Горький дым затолкнул рвоту обратно в желудок. Я всякое слышал, но с такой историей, да еще и из первых уст, сталкиваюсь впервые. Меня покачнуло и каска скребанулась об свод тоннеля. Стало

низко.

Игорь подхватил меня за плечо и вернул утраченное равновесие. И только сейчас, опустив голову вниз я понял, что он все это время идет с искусственной ногой, сделанной из дерева или пластика. Идет так, будто это его родная нога.

– Сколько вам было лет?

– Двадцать.

– И сколько лет вы уже мстите?

– Почти тридцать. Но оно того стоит.

Мужик точно безумен. После такого никто не смог бы оправиться. Вот только он выбрал самый сложный путь. Другие покончили бы с собой, или загремели бы в психушку. Но не Игорь. Он каждый день ходит в эти тоннели. Каждый день добирается до места, в котором точно сидят демоны...

Я вдруг осознал, что мы идем не выполнять поставленную задачу. Мы идем убивать злых демонов. Плевать Игорь хотел на электриков и взрывчатку. У него есть цель важнее. Он тащит нас мстить. И на пианиста он обиделся не за то, что тот слаб и труслив, а за то, что лишил Игоря еще одного раскаленного ствола во время боя.

Сегодня мы точно встретим чудовищ.

Я сглотнул слюну и приготовился к худшему. Сейчас и мне стало не по себе.

– Ответвление... – пробормотал командир. – Чуешь что-нибудь?

Как бы я ни вдыхал воздух, в носу был только сигаретный

дым. – Нет. Обоняние сбилось.

Игорь не расстроился. Приказал быть тут и ждать его.

Сказал он все это и медленно скрылся в тоннеле. Чернота поглотила его и свет его фонаря.

– Чернота давно поглотила его... – потер я медальон на груди. Побрякушка всегда возвращала мне холодную голову.

– Так что мы...

– Предохранители снять. Все внимание вперед до возвращения командира, – я повернул маленький рычажок над большим пальцем. – Вы двое – на колени и в оборону. Пианист – посматривай назад.

Подствольные фонари загорелись и начали глядеть в черноту тоннеля. Я выбросил сигарету и затянул ремешок на шлеме еще сильнее.

Гробовая тишина. Мертвая. Ни звуков шагов, ни завывания ветра.

Лязг затвора раздался из ответвления тоннеля, и ребята начали нервничать.

– Не ссать. Ждем!

Короткие очереди сыпались где-то вдалеке. Но ни рыка, ни шороха. Словно Игорь нашел демонов раньше, чем они этого ждали. Я слышал, как его магазин опустел, но не прошло и пары секунд, как стрельба вновь продолжилась. Будто он и не перезаряжал оружие.

Пот прокатился по шее. Я начал преть под курткой, но не подавал виду. А вот ребята то и дело стирали влагу со лба.

Сердце больше не колотилось как у мертвеца. Я был жив, и кровь мчалась по венам с безумной скоростью.

– Прекратилось... – Леха вдруг наставил ствол в черноту ответвления.

Я выждал минуту и подошел поближе, аккуратно положив ладонь на дуло ТВС, что мальчишка направил в ответвление. – Это Игорь.

Свет мелькнул вдалеке, и я наконец-то услышал звук шагов. Игорь шел тихо. Понятно, почему твари его не заметили.

– Заждались, небось? – он был в невероятно приподнятом настроении.

Двое ребят встали с колен и выпрямились, разминая затекшие ноги.

– Чисто?

– Да, чисто. Там был с десяток уродов. Явно готовили засаду. Тоннель тупиковый. Железная маза избавиться от слепых и безбашенных.

А это значит, что впереди нас ждут враги.

Я мысленно начал молиться. Я прокручивал в голове одну и ту же молитву, словно заколдованный. Но боялся я не монстров. Боялся я нашего командира. Он был куда страшнее и опаснее, чем десяток чудовищ.

– Тогда идем дальше... – сказал Игорь и рация на его груди завибрировала. – Алле?

– Авангард, вы где там? Мы дошли до точки встречи, прием?

– Мы продвинулись дальше. Решили обезопасить вас.

– Принято. Продвигаемся дальше. Запас по времени есть.

Сообщите, как будет что интересное.

– Принято.

Любой другой командир развернулся бы и пошел обратно.

Но, сдастся мне, мы так не поступим.

– Вперед!

Я угадал.

Его действия не выходили за рамки полномочий. Наоборот, за переработку могли и доплатить, или сделать отметку в паспорте, и в следующий раз ты пойдешь в арьергарде, в котором шанс встретить уродов минимален.

Тоннель все продолжался.

Раньше я задавался вопросом, зачем мы по нему ходим. Ведь можно просто подорвать все у буферной зоны. Ответ был прост: если бросить демонов наедине с землей, то они начнут прорываться к бетонной сфере любыми другими путями. И уж лучше выманивать их сюда, планомерно истребляя, чем обнаружить целую армию у входа в город, которую придется выводить всеми возможными способами, вплоть до едких химикатов и забрасывания взрывчаткой. Это и был «кризис демонического застоя». Демонический коллапс... Очень древняя попытка пустить все на самотек.

Теперь каждый в городе обязан выбираться наружу для того, чтобы убивать чудовищ на подступах к Заслону. Вот только никто и никогда не видел конца тоннелей. Туда про-

сто не добраться. Самый большой и длительный поход датирован тремя сотнями лет ранее. Группа прошла сорок шесть километров. И вернулась, потратив на дорогу двое суток. Из одиннадцати людей, что ушли в темноту, вышли лишь четверо.

Нет ни конца, ни края... Вечный тоннель, что раслаивается на тысячу других. Ответвления уходят, и вниз, и вверх. Коридоры закручиваются спиралью, а потом обрываются.

Там, вдалеке, творится настоящее безумие. И если постоянно всматриваться в эти тоннели, то в полной мере ощутишь то, что называют безвыходностью.

Тоннель расширился.

– А вот и они, – усмехнулся Игорь и выбросил очередную сигарету.

Жернова

Из черноты, в свет фонарей, вышла одна тощая фигура. Стоя на длинных тощих ногах, демон поглаживал свое вздувшееся белое брюхо, с торчащим вперед пупком. Вены выступали на животе уродливыми рисунками, чернея на бледной коже. Кожа блестела от слизи, перемешанной с потом, отражая блики фонарей. А после живота я увидел и все остальное тело.

Тонкие руки, и тощая шея. Все это было серым, почти белым, и не поддавалось никакому объяснению. Такое уродство могло появиться лишь в черноте тоннелей. Кожа была как у утопленников, которых вылавливают из коридоров, в которые рванули грунтовые воды. Вздувшаяся, она натягивалась на кости, словно в кишку собаки забивают ее перемолотое мясо. Но кожа не была прозрачной. Она была уродливо серой.

Длинные неестественные руки заканчивались полусгнившими пальцами, что были стерты до самых костей, и уже вряд ли что-то чувствовали. Это был демон, приспособленный для рытья тоннелей. Вот только... Он сбросил когти. От старости или от болезни – не знаю, но даже без когтей продолжал делать то, что привык. Именно поэтому его отправили первым.

Вся голова была покрыта волосами разной длины. Вид-

но было, что демон отрывал их, когда они ему мешали, и от этих рывков на черепе появлялись гниющие залысины. Лица я не видел. Оно было черным и скрыто за густой шевелюрой. Блестели только полуоткрытые глаза.

Демоны почти слепы, но, если видят свет – идут на него. В основном они слушают, и слушают очень хорошо. Все тоннели – одно большое ухо, и любые звуки передаются по ним весьма отчетливо. Этим пользуемся и мы, но не так успешно.

– Без команды не стрелять! – уверенным голосом, без крика, сказал Игорь. – Снять предохранители.

Маленькие рычажки хором щелкнули. Они совсем недавно вернулись домой, но их опять выгоняют, заставляя готовить ТВС к бою.

– Ждите, ребята, пусть выйдут на свет!

– Блядь! Они же сейчас рванут толпой! – сказал один из ребят, что всю дорогу шел рядом с командиром.

– Не ссыте!

Бледный высокий демон, покрытый квадратной скользкой чешуей вокруг брюха, сделал широкий рваный шаг. Намного больше обычного, и резким движением приблизился к нам. Пугающий, резкий скачек был единственным. Урод продолжил и дальше идти своими обычными семенящими шагами, наглаживая свой живот. Почему? Зачем он сделал такое странное движение? Зачем шагнул в полный размах всего один раз?

Я никогда их не понимал.

Сбитые в кровь стопы демона не оставляли никаких следов. Лапа была такой плоской, что вылей на нее воду – не утекла бы в бок. Даже кровь, что засохла вокруг подошвы никуда не стекала.

Голова демона задела потолок, и тварь со всего размаху махнула лапой над своей грязной шевелюрой. Скала разлетелась на мелкие осколки, скрыв тварь за пылью.

– Не стрелять. Пока не видим остальных – не стрелять!

Я вытянул руку вверх и с трудом задел потолок.

– Высокий ублюдок...

– И не говори, – подхватил командир, что косился на потолок, но не рискнул убрать руку с оружия. Игорь взял рацию и тихонько сказал в нее. – У нас контакт.

Рация была моментально заглушена, но по вибрациям было понятно, что на той стороне начались расспросы.

Пыль осела, и демон, что был вдалеке, все так же продолжал идти к нам.

Я уже видел такую тактику. Этот демон издалека очень похож на человека. Точнее – на беременную женщину. Бывали случаи, когда дежурные пытались помочь. Помочь твари. И тут же лишались головы. Взмах, что раскалывает скалу, может, если не разрубить человека пополам, то превратить в кашу все внутренности.

Я начал слышать дыхание. Демон дышал так часто, словно у него одышка. Но все было проще. Ресурс легких заканчивался и места для воздуха в них оставалось совсем мало.

Представить трудно сколько пыли вдохнуло это чудовище, пока рыло землю и ломало скалу. Они, демоны, всегда отправляют самых слабых и старых вперед. Чтобы перепрыгнуть его труп, когда люди расслабятся, победив столь ненавистного врага.

Я смотрел на это бледное пузатое тело и испытывал отвращение. Издалека я не мог разглядеть морду этого уroda, но мне все равно становилось не по себе. Сейчас, в тоннеле, я не произнесу этого вслух, но мне стало страшно.

Я вдруг понял, как далеко мы забрались. Сколько километров до дома? Мы что, хотели выбраться из лабиринта? Зачем мы так глубоко забрели? Сколько бежать обратно?

Я сглотнул слюну и случайно выровнял давление в ушах. Звуки прорезались через глухоту, и я вдруг понял, что все вокруг меня дрожат, настолько громко брякали карабины подмышками, да замки на куртках. Пианист трясся как замерзший. Двое других вибрировали еле заметно, но вибрировали. Игорь тоже дрожал, но скорее от нетерпения. А между моими ладонями и рукоятью винтовки толстым слоем лег пот. Холодок пробежал по шее.

– Сейчас они поймут, что мы не повелись на уловку. Ждите.

Никто не ответил Игорю. Все молчали.

Длинный снова сделал широкий шаг. В этот раз с другой ноги. Снова резко сократил дистанцию. И сел.

– Ну все, бля, понеслась!

Игорь положил взгляд на мушку и в эту же секунду в свет фонарей повалили твари. Большие, маленькие, круглые, и тощие. Они толкались в тоннеле и мчались на нас.

Демоны спотыкались друг об друга, падали, издавая шуршащие звуки. Никто не кричал. Все сохраняли молчание. Какие-то из уродов катились кубарем, какие-то были затоптаны своими собственными братьями. Места в тоннеле не хватало. Теперь тоннель был кишкой, что набивают нарубленным мясом. Вот только его сначала нужно нарубить.

– Не спускай глаз с беременного! – крикнул мне Игорь. – Огонь!

Затворы начали лязгать, когда орава почти подобралась к тому демону, что вышел первым. Все расстояние они проделали куда быстрее, чем предшественник.

Пианист просунул ТВС между Игорем и ребятами, что стояли впереди, и я еле успел отвести его ствол вниз. Опять.

– Жди очереди! На перезарядке сменим! Или как будет необходимость, – прокричал я. – Лучше следи за бледным. Он копатель.

Тот молча сглотнул слюну.

Затворы во всю щелкали, отправляя девятимиллиметровые пули вперед. Пули врезались в плоть с характерным хлопаящим звуком, и в тоннеле этот звук был очень четким и различимым. Никакого грохота, только лязг металла.

Демоны получали по короткой очереди и замедлялись, начиная истекать черной гнилой кровью. Но они не умирали.

Место медленных занимали свежие, еще целые, притапывавая тех, кто ослабел. Уроды шли по головам друг друга так быстро, что места между нами и ними становилось мало. Серый скрылся в горе тел и уже был не виден. Но я знал где он сейчас.

Если я потеряю его из виду – шансов отступить не будет.

Мертвые демоны падали с грохотом. Круглые мертвые демоны еще долго катились вперед. Между трупами проскальзывали самые мелкие уроды, что были больше похоже на собаку, нежели на демона. Они с трудом проползали по низу и ускорялись, стоило только плоти вокруг них расступиться.

– Леха смени! Заклинило, – один из парней сделал шаг назад, и Пианист тут же занял его место.

Очереди Пианиста были длинными. Они начинались на уровне мелких демонов и заканчивались под самым потолком.

Хлипкие мягкие чешуйки разлетались по тоннелю и среди безобразия, пыли и парящей черной крови я увидел, как мелькнула белесая туша.

– Пошел! – крикнул я.

– Слушай скрежет! – отозвался Игорь, складывая очередной опустевший магазин в мешок.

– Да знаю я, блядь!

Я рванул назад по тоннелю, даже не глядя под ноги. Тяжелые шаги поднимали пыль, что ударяла по свету фонаря.

Слушать. Нужно слушать. Я приложил руку к стене и пы-

тался сконцентрироваться, пока сзади стрекотала сталь.

Нашел.

– Сюда! За этот рубеж!

– Вы слышали Семена! Живо назад!

Как только парни пробежали мимо меня, я тоже сделал десяток шагов назад, не опуская оружия, внимательно глядя через мушку на Игоря. Командир выждал, когда мы сменим позицию и рванул от шуршащей толпы. Еще секунда и он окажется за моей спиной. Тогда настанет моя очередь. Шесть магазинов на теле и один в ТВС.

Игорь пролетел мимо и встал за мной. Можно начинать!

Я нажал на спусковой крючок и затвор начал летать вперед-назад. Выплевывая вонючие гильзы. Упал круглый урод, что с трудом сгибал конечности, передвигаясь в тоннеле. Из-за его спины выползла тварь, что двигается на четвереньках, и кривыми короткими прыжками рванула на меня. Короткая очередь прибила его голову к земле. Потом маленькая двуногая собакоподобная тварь покатила кубарем, когда я попал и в нее.

Тут же присоединился Игорь, за ним и Пианист. Парни позади остужали оружие, меняя магазины на полные, но для них тут места не было. Нам пришлось выйти из широкой части тоннеля и обосноваться тут.

Я достал магазин из левого подсумка и аккуратно защелкнул его на место предыдущего, опустевшего.

Глаза упавших демонов оставались открытыми даже то-

гда, когда кровь уже переставала литься из их тел. И чем больше магазинов я менял, тем ближе подбирались уроды.

– Ну че долго там? – выругался Игорь, показывая жестом, что патронов у него осталось не сильно много.

– Да я-то откуда знаю?

– Что за грохот? – испугался Леха.

Тоннель осыпался справа от горы трупов. Бледный длинный демон с окровавленными руками споткнулся об мертвых товарищей и упал на землю. Мы с Игорем тут же пустили по короткой очереди ему в голову, превратив ее в мягкое месиво из костей и плоти.

– Еще один!

Второй бледный демон вылетел из провала прямо на нас. Игорь не успел вскинуть винтовку и его очередь прошла по животу, а вот Пианист уже во всю рисовал линию из свинца вплоть до самой головы уroda.

Тварь с грохотом упала, и я выстрелил пару раз в его шевелюру.

Первый копатель был старым. Этот был новым, запасным.

Демоны, хоть и сбавили напор, но продолжали идти, забивая тоннель своими мертвыми телами. Из провала в стене тоже выходили твари поменьше, в основном те, что не были круглыми как бочки.

Я вообще редко их разглядывал, но все они были похожи на... черт, я не могу это сказать.

– Клинь! – крикнул Леха.

– Смените нас!

– Парни успели отдышаться и дернули меня с Пианистом из первой линии, заняв места. Один лишь Игорь бессменно был впереди. Для него это было вопросом чести.

– Бля, не идет! – дергал Пианист заклинивший затвор.

Я подошел к нему и уперев ствол в скалу, со всей силы отвел затворный рычаг. Прикипевшая гильза вылетела. Такие длинные очереди моментально гробят винтовку. Да и если бы у нас было больше шести магазинов на человека, то мы бы просто расплавили наше оружие.

– Сколько у тебя осталось?

– А? – резко пришел в чувства парень. – Один!

– Стой тут!

– Игорь, сколько у тебя?

– Два!

– А вы парни?

– Три! – крикнул один, мельком опустив голову на грудь.

Второй молчал. Щелкал затвором.

Щелкал. Щелкал. И снова щелкал. А потом вдруг остановился. – Один!

– Все, – крикнул я. – Валите обратно!

– Что? – вырвалось у Пианиста, но товарищ резко подхватил его и дернул за собой в тоннель. Домой.

Когда остается один магазин – ты обязан отступить. Это основное правило. Леха знал его, просто забыл, ведь чтобы что-то запомнить это надо повторять.

Я встал в ряд с командиром и еще одним моим товарищем.

– У тебя-то сколь? – спросил Игорь, не опуская оружия.

– Четыре, я экономный.

Вместе посмеялись и продолжили колошматить грязные туши. Демоны все лезли и лезли. Вскоре, они уже с трудом подвигали павших товарищей, чтобы рухнуть рядом. Дыра в стене тоже заполнялась трупами и теперь через нее уже никто не пролезет.

– У меня последний, – сказал Игорь.

– И у меня, – подхватит тот, второй, имени которого я не запомнил.

– Бля... – посмотрел я на два полных магазина, что были под правым плечом.

– Че, достреливать будешь?

– Нет. Все! Давайте обратно.

Я из принципа не стал расстреливать гору трупов, что закупила собой тоннель вместе со свежим ответвлением. Я смотрел на месиво перед собой и вдруг понял, почему я не могу описать этих уродов. Это не отдельные существа. Не круглые, квадратные или длинные уроды. Это рой. Рой демонов. Кишащая масса, что своим мясом закрывает тоннели.

Какими бы разными они ни были – в них нет индивидуальности. Пусть даже одни в слизи, у других есть чешуя, а третьи с ног до головы покрыты длинными редкими волоса-

ми.

У демонов, в отличие от нас, разум коллективный. По крайней мере мне так всегда казалось.

– Затихли, – опустил я винтовку, прислушиваясь к шуршанию за непроницаемой горой мяса и крови.

– Значит пора идти, пока третий копатель не прогрызся через эту кучу.

Мы быстрым шагом направились обратно, время от времени поглядывая назад, ступая тихо, чтобы можно было услышать шорохи за спиной.

Руки тряслись, толи от отдачи ТВС, то ли от страха и напряжения. Вся одежда пропахла порохом, а плечо болело. Я до сих пор не уверен, нужно ли нам было забираться так глубоко, чтобы пострекотать в уродов. Мы истратили почти семьсот патронов, и все ради того, чтобы забить тоннель ненадолго, лишь слегка проредив ряды.

– И часто такое? – обратился ко мне парень, что шел вместе с нами.

– Ты про того длинного и огибающий тоннель?

– Ага.

– Ну бывает, – я вдруг понял, что мой голос дрожит.

– Они делают подкоп, да? А почему сразу белого не убили?

– Белых до хрена, и куда лучше уследить за ним, чем... – я с трудом подбирал слова от усталости. – Кароче! Если в замесе белый скользнет в тоннель, и мы не увидим – они нас

окружат. Поэтому нужно брать его на прицел сразу. Не бить издалека. Сдохнет один – придет другой.

– Как в этот раз.

– Да, их было двое. Второй был запасным.

– То есть они могут продумывать такие сложные тактики?

Я думал они безмозглые.

– По одному – да. Безмозглые. Они сильны количеством.

И все умеют разную хрень.

Впереди замаячил свет фонарей.

– Эй! – крикнул Игорь. – Не стрелять!

Мне кажется, я слышал, как Пианист вздрогнул. Ну что ж, с боевым крещением его.

Мы дошли до электриков, что заколачивали последние лампы в стены. Пыльные и пропахшие порохом мы немного потолкались в тоннеле, а после отправились обратно. Арьергард остался прикрывать отход нашей группы и группы сопровождения. В отличие от нас – они еще при полной амуниции.

Назад шли молча, то ли от усталости, то ли шока. Сколько бы я не встречался с демонами – каждый раз страшно. Страшно от того, что можешь умереть в любую минуту, страшно от непонимания происходящего. Я старался не думать о происхождении этих уродов, но в глубине души у меня были не самые хорошие предположения. И основывались они, в первую очередь, на том, что Заслон никогда не раскрывал данных об исследованиях тел.

Вот, иду я по темному коридору, спереди мрак, сзади мрак. Я уже не вымеряю шаги, не скрываю свое присутствие, а все равно давящее чувство нависло надо мной. И с каждым шагом все сильнее кажется, что вокруг нашего тоннеля кто-то скребется. А, впрочем, так оно и есть. Каждую секунду за стенами города демоны роют себе новые проходы. И то, что мне кажется – мне не кажется. Шорохи, звуки, протяжный гул. Оно все тут, вокруг нас. Но мы идем обратно.

Ребята из арьергарда сейчас, наверное, пятятся спиной, медленно продвигаясь к городу. Новости о контакте с демонами их не обрадовали, но и не напугали. Парни там бывалые, сразу видно. Пара постоянников-то точно есть, не то, что среди нас... Один Игорь был постоянником, я – с небольшим опытом, а остальные совсем зеленые.

Спустя несколько часов мы уперлись в огромные стальные ворота, что подсвечивались фонарями. Я часто разглядывал вход с этой стороны и уже наизусть запомнил все вмятины и потертости.

В этом месте – когти. Тут – след от взрыва. А это – то ли ржавчина, то ли засохшая кровь.

Мы почти дома. Можно выдохнуть.

– Все, ждем, когда последние вернуться и мы дома, – уселся на пыльную землю командир. Рядом рухнул Пианист и остальные ребята. Я остался стоять. Ожог, хоть и не беспокоил, но просил к нему не прикасаться, особенно острыми кромками тоннеля.

– Точно, – пробормотал я. – Надо к Лизе зайти...

Мне вдруг стало так хорошо. Это такое ощущение, будто тебе есть к кому возвращаться. И пусть это всего на пару раз, пока спина не заживет, зато... Зато это грело душу.

Ворота со скрежетом отворились, и мы, большой группой, объединившись все вместе, зашли внутрь. Тут же подбежал интендант.

– Потери?

– Нет, – тут же ответил Игорь.

За ним подхватили и другие командиры звеньев.

Сегодня никто не погиб, хотя, если брать в расчет ситуацию, то это даже удивительно.

Многие из тех людей, что работают в буферной зоне, делают ставки на возвращение таких как мы. Это не легально, как с точки зрения города, так и с точки зрения Бога. Но люди часто забывают и о том и о другом, особенно работая так близко к смерти.

Сдали оружие и пустые магазины. Куртки в общий контейнер – на обработку. Получили обратно свои паспорта и все, мы свободны. Это, конечно, если не считать талона с датой следующего дежурства. Такие выдают всем, кто вернулся, и, как ни крути, быть ты на нем обязан. Только успел выдохнуть, а уже знаешь, когда идти умирать.

– Выпьем? – Игорь умудрился обхватить своими стальными руками все звено.

– Нет, – ответил я. – У меня еще есть дела.

– Говоришь так, будто был уверен, что вернешься!

Я улыбнулся. – Был.

– А я бы выпил, – чуть ли не заплакал Пианист.

– И мы, – подхватили остальные.

Все переоделись в гражданскую одежду и сели в поезд, что вывозил дежурных с места работ. Кровь внутри начала замедляться, снова превращаясь в желе, и дыхание уже восстановилось. Я успокоился и боком прислонился к стенке вагона. Я выжил.

Не зря молился.

Еще сидя в вагоне я попрощался с ребятами и Игорем. Удивительно было оказаться в составе звена, в котором ты никого не знаешь. Обычно, хоть один знакомый, да попадетсся, а тут прям все четверо – новые. Это, наверное, последнее, кого я не знал. Десять лет тут бываю каждую неделю, а, оказывается, не всех еще выучил.

Я толкнул дверь вагона вбок, когда тот остановился, и шагнул на перрон. Еще пара уровней на лифте, и я окажусь дома.

Я чувствовал себя в безопасности, находясь внутри бетонной сферы. Это странное чувство уюта, когда ты сидишь в замкнутом пространстве, а за стенами – рыщут монстры. Но ты в безопасности. Ты дома, в тепле и уюте. А монстры? А они сюда не заберутся.

Ожог

– Вот я те говорю! Вот прям отвечаю! – надрывался Ванька, пытаясь перекричать шум воды в душевой. – Мы точно прошли то место. Там еще вчера не было ни одного ответвления. Я, бля, в группе разведки был, мы десять часов шныряли по тоннелям.

– И ни хрена? – намыливал я голову, стоя под прохладной водой.

– И ни хрена!

– Это сколько же их там, что они за смену столько обходников вырыли?

– Да хрен его знает! – Иван выключил воду и заглянул ко мне. – Хрена се! Это демоны тебя так?

– Ага, щщас. Это я об трубу тут обжегся. Задремал в парилке, – соврал я, пытаясь скрыть неловкую историю.

– Выглядит не очень. Ну да и черт с ним. Ты когда в дежурство?

– Послезавтра.

– День отдыха? Нормально тебя запрягли. А завтра?

– Завтра, благо, на работе выходной. Но надо позвонить начцеху. Сказать, что дежурю.

– Так поготь! Мы же с тобой вместе в смену попадаем. У меня тоже послезавтра!

– Даже не знаю, радоваться мне, или нет, – отшутился я

и выключил воду.

– Ну ты это, помолись.

– Бля, пацан, ну ты скоро там? – прокряхтел толстый седой мужик, что стоял в очереди в кабинку.

Ванька ничего не ответил, обернулся полотенцем и вышел. Я – следом.

Сегодня я успел в помывочную. Обошлось без всяких приключений и, вместо красивой девушки, я лицезрел тут толпу голых мужиков. Так, почему-то, было привычнее.

Я не стал надевать не себя футболку и вышел в коридор с голым торсом. Так рана на спине точно не запачкается. На дежурстве я о ней не думал, но вот сейчас стоило бы позаботиться. А то, мало ли, проблемы будут.

Всю дорогу до лестницы Ванька не унимался и рассказывал о последней вылазке за стену. Он, в отличие от меня, не упускает возможности откосить от дежурства. Работая механиком по подъемным сооружениям, он уже не раз получал отвод по причине болезни или гибели сменщиков. Вот только освобождения от дежурств на постоянной основе ему так никто и не выдал.

– Сема, че встал? – мой друг преодолел уже половину лестничного пролета.

– Да мне вниз. Иди без меня.

– Подружку чтоль нашел? Шрамы все свои выставил на показ, вон.

– Да брось. Я к врачу, рану на спине надо обработать.

– Так давай я помажу, че страховку-то переводишь.

– Нет. Спасибо. Я лучше к врачу, – сказал я и юркнул вниз, подальше от своего друга. Еще чуть-чуть и расспросы бы вывели меня на чистую воду.

Первая, вторая, третья... Я почти вслух считал двери, начиная от лестницы. Вот эта.

Я постучал.

За дверью тишина сменилась собачьим лаем. Люди в жилых уровнях, обычно, не держат животных. Тут и так слишком тесно.

– Кто там? – раздался глухой женский голос из-за двери.

– Это я... Семен. Тот, что с ожогом. Помнишь?

– Нет, не помню, – дверь открыла другая девушка. Открыла и уставилась на мою голую грудь. – Ух какой. Я бы запомнила.

– Ты соседка Лизы?

– А ты догадливый. Заходи, – соседка распахнула дверь и в коридор вылетела маленькая лохматая собачка. Собачка истошно лаяла, мчась к лестнице. – Вот блядь, Джек!

Так я и остался стоять напротив распахнутой двери в женскую комнату, пока девчонка гонялась за свирепой маленькой собачкой.

Комната маленькая. Едва ли больше моей, а живут тут трое. Несправедливо. Думается мне, что нужно предложить Лизе съехаться. Так сказать, выровнять численность.

Вот только девушки, скорее, сунут мне в сожители собаку.

Тут двухъярусная кровать, увешана женскими вещами. Вещи сложены стопками по углам и на разных антресолях, висят и сушатся на нитках. У меня в жизни столько вещей не было, сколько у этих двоих. Одни тряпки.

Вещей много... Тут развернутся-то негде. И столько запахов! Тут пахнет всем, от мыла и духов, до свежеприготовленной еды. Даже остаться захотелось. Все это добавляло комфорта обжитой комнате. Я прикоснулся к медальону на груди и поблагодарил Бога за увиденное.

Я за десять лет свою коморку обжил едва ли. Так... нишу в стене сделал, и пару раз пыль протер. Как сосед помер, так вообще не слежу за состоянием комнаты. Я же в ней только ночую.

– Че встал, заходи, садись. Лиза о тебе предупредила. Подожди ее тут.

– Ладно, – я зашел и уселся на кровать.

Дверь закрылась и мелкую собачку поставили на пол. Мне казалось, будто в комнате мало места, но этот зверек умудрялся использовать все поверхности, чтобы передвигаться. Он прыгал по полу, по кучам вещей, залетал на кровать. Он пробегал по моим коленям и спрыгивал на пол, будто я часть интерьера.

– На хрена вам тут собака? – спросил я, подняв перед собой это коротколапое чудо.

– Да черт ее знает, – соседка уже забралась на второй ярус кровати и уткнулась в книгу. – Мне эта фигня от матери до-

сталась, когда мы жили в большой комнате. Мать померла, а собака еще нет. Вот, жду.

– Понял... – протянул я. Это было похоже на мою историю. Я тоже когда-то жил лучше.

Ко всему привыкаешь, даже к собаке в темной комнатухе для двоих.

Дверь открылась, а за ней с чемоданчиком стояла Лиза, одетая в медицинскую спецовку. Светоотражающие элементы на рукавах блеснули и потухли, когда девушка сделала шаг внутрь комнаты.

– А... ты уже тут... – устало выдавила она приветствие. – Ложись. Ща помажу и свободен.

Она была холодна. Куда холоднее, чем в прошлый раз. Думаю, это усталость в ней так говорила. Работа врача – неблагодарное дело. Да еще и подхватить можно пару болезней, пока лечишь других. Зато какой иммунитет будет в итоге – просто чудесный.

– Как твои дела? – я решил разбавить тишину, укладываясь на кровать. Вдруг на мою спину запрыгнула собака и я не смог сдержаться. – Ай, блядь!

– Джек, уйди на хрен отсюда! – Лиза легким движением руки столкнула собаку на пол и аккуратно задвинула ее под койку. Собаки хватило ненадолго и вскоре она вновь выползла.

– Нормально, – ее холодная рука коснулась ожога. – Завтра дежурство.

– Мое послезавтра.

– Без продыху мы с тобой, да? Ты же с него только вернулся?

– Угу, – я еле сдерживал стоны, от болезненных прикосновений. – Значит завтра я к тебе не зайду.

– Получается так... – девушка закончила, и вытерла остатки мази об поясницу. – Все. Свободен.

Я встал и накинул на себя чистую футболку. Собака заняла место на кровати и начала истошно верещать.

– Ладно, спасибо. Жаль, что не смогли пообщаться, – выдал я, и тут же покраснел от смущения. На верхней койке хмыкнула соседка.

– Пошли в коридор. Покурить хочу.

Я, конечно, удивился, но озвучивать не стал. Работа у нее и вправду была нервная.

Мы вышли из лающей комнаты и пошли к лестнице, туда, где ветер гулял намного сильнее, чем в коридоре.

– Будешь? – протянула мне девушка открытую пачку с покупными сигаретами. Я достал белую папиросу и понюхал ее. Этот табак пах отлично.

Лиза подкурила себе и передала мне зажигалку.

Я пару раз чиркнул и кремень вылетел из-под барабанчика. – Вот черт!

– Ну что ж ты так... – расстроилась уставшая девушка. – Я сейчас за другой схожу.

– Не надо, подожди, – я остановил ее рукой и вынул из

ее рта тлеющую сигарету. Приставив уголек к своей я как следует затянулся.

– Да, точно... – усмехнулась Лиза, забыв про этот способ напрочь. – Не растерялся.

Вдыхая едкий дым, мы стояли на сквозняке, что уносил серые клубы вверх. Стояли и молчали. Моя футболка под порывами ветра то прилипала, то отлипала от раны, причинная дискомфорт. Я стоял и не знал с чего начать разговор. Лизе, наверное, вообще было не охота говорить. Она просто делала ровные затяжки, иногда прерываясь на глоток обычного воздуха.

– Ты ужинала? – вдруг вырвалось у меня. Я сам от себя не ожидал такого вопроса.

– Нет. Не успела, – безучастно отвечала Лиза.

– Жаль... – я продолжал мяться на месте, собираясь с силами, чтобы закончить свое предложение. – Может сходим поужинаем? Я понимаю, что тебе завтра на дежурство и ты устала, но тут совсем недалеко есть хорошее место, я бы угостил тебя. Там продают хорошие...

Я не договорил свой монолог. Девушка взяла меня за запястье и потащила к себе. Я испугался, но быстро понял, что она потащила к себе не меня, а мои часы. Повернув голову в удобное положение Лиза прищурилась. – Пойдем.

– Точно? – удивился я.

– Эхх... да точно, точно. Пошли уже, – усмехнулась она. – И на дежурство мне в дневную смену. Это сразу после ос-

новной работы.

– Так погоди! Это же хрень какая-то! – возмутился я безумному графику фельдшера. – Так же не нормально.

– Ошибаешься. Это вполне естественно, – Лиза бросила тлеющий окурок на пролет ниже. – Давай не про работу. И давай уже пойдем.

Спустя десяток минут мы оказались на перроне. Поезд вылетел из черного тоннеля и остановился. В столь поздний час люди почти не перемещаются по городу и двери пришлось открывать и закрывать мне. Лиза не стала заходить в комнату к соседке и лающей собаке. Пошла со мной даже не переодеваясь. Я, в отличие от нее, хотя бы успел помыться.

Вагон тронулся и унес нас в темноту. Заколоченные фанерой окна гроыхали, не давая возможности начать хоть какой-то разговор. Ветер раздувал темные волосы Лизы, не позволяя ей задремать. Я стоял рядом и держался за затертый поручень, боясь прикоснуться спиной к сиденьям.

Железный червяк вынырнул на соседней станции, и я кивнул девушке, указывая на выход. Мы сошли.

– Давненько тут не бывала...

– Я тоже. Тут, особо, нечего делать. Просто помню, что есть неплохой ресторанчик.

– Ресторанчик? Ты преувеличиваешь.

– Немного, – усмехнулся я и направился к выходу с перрона. Узкий коридор привел в коридор побольше, а потом мы вышли на небольшую площадь. Людей почти не было. Те,

кто отработал смену уже спали, а те, кто ее только начал – были на работе.

– Нам сюда, – указал я на затертую вывеску, что была над вырезанной в стене аркой двери.

– А я помню это место! Я сюда с родителями заходила! – вскрикнула девушка, забыв про сонливость.

– Ты жила где-то тут? Ну... с родителями.

– Да, вот прям тут. За поворотом вон того тоннеля – Лиза указала пальцем на один из пяти чернеющих коридоров. Площадь была очень хорошо освещена и сильно оттеняла все другие ответвления уровня.

– Ха. Забавно...

– Что забавного?

– Да нет, это я так, к слову, – я аккуратно заглянул в полупустое заведение.

Столики были не заняты. За барной стойкой стоял смуглый мужчина, а рядом с ним, опираясь на его плечо, полусонная женщина.

– Здравствуйте! – сказал мужик, и официантка на его плече встрепенулась. – Занимайте любой столик! Сейчас к вам подойдут.

– А, да. Спасибо! – кивнул я ему и направился к самому дальнему столику, что был у окна, за которым сияла маленькая площадь.

– Далековато ты забрался, – усмехнулась Лиза, усаживаясь напротив. Она взяла со стола толстое меню и начала ли-

стать страницы, пристально вглядываясь. – Точно платишь?

– Да, я же обещал, – я перелистывал страницы, хотя и без меню знал, что заказывать. – Давай это будет благодарностью за мою спину.

– Да, давай... – машинально ответила она, не отвлекаясь от заляпанных грязными руками страниц.

– Вы уже выбрали? – подошла к нам женщина официант.

– Я буду запеченный картофель и курицу. И горячий отвар из шишек, – заказал я то, что у них получается лучше всего.

– Хлеб?

– Да, два.

– А вы? Определились с заказом? – обратилась женщина к Лизе.

– Хм... – протянула девушка. – Говяжий стейк... Бурый рис с овощами... две булочки с творогом и... два бокала вина.

У меня челюсть отвисла, когда я вспомнил ценники на все, что заказала Лиза. – И мне два бокала вина, пожалуйста.

– Вас поняла, – удалилась официантка.

Надеюсь, Лиза не видела, как меня прошибло в пот. Я говяжий стейк ел всего раз в жизни, и то, меня им угостили. Половинкой. Нет, наверное, даже, четвертью. Да и не много ли она заказала?

– Правда думаешь, что много? – внезапно спросила она.

Как? Как она поняла, что я об этом подумал?

– Что? Я и не думал о таком, – усмехнулся я, плохо скры-

вая смущение. – Все нормально, я же плачу.

– Да успокойся ты. Я заплачу за себя. Просто сходить куда-то поесть, да еще и в компании – редкость. Особенно в последнее время.

– Быть врачом – тяжело... – констатировал я очевидный факт. – Почему ты вообще решила на это?

– Людям помогать хотела. Как родители.

– А вместо этого торчишь попеременно, то на работе, то на дежурствах. Всюду задерживаясь допоздна.

– Угу. Не так я себе это представляла, – Лиза отодвинула меню и положила локти на стол. – Самое смешное, что никому толком и не помогаю. На работе – старики, что паникуют и вызывают по паре раз в день. А на дежурствах – так, подаю жгуты, да заправляю нити в иглы. Ну и мою еще всякое, параллельно разрезая одежду над укусами.

– Ну ты же мне помогла.

– Да брось. Ты бы и сам справился. Это я так, растерялась просто.

Ну так-то оно так. Ожог бы в любом случае зажил, с ее помощью или нет.

– Тебе не противно?

– Работа?

– Да. Особенно дежурства. Там иногда такие изодранные попадают... Да и работа за стеной совсем не женская.

– Семен, я младший медицинский персонал. Я не хожу за стену.

– Погоди, а как тогда? – удивился я. Я вообще, никогда особо за медиками не следил. Все раны, что получал за стеной заживали сами, да и ухода не требовали.

– Ну... пол смены я сижу и читаю книжки, а вторые пол смены, если не повезет, помогаю хирургам, да настоящим врачам.

– Не так уж и плохо...

– А ты? Я ведь так и не узнала кем ты работаешь, – девушка положила уставшую голову на ладони, пристально глядя на меня. А мне и сказать-то нечего было.

– Я работаю в цеху. Мясо разделяваю. Оказался слишком туп, чтобы устроиться на работу получше.

– Или слишком умен... Избежал ответственности. Ты же вообще не паришься о своей работе!

– Ну... в принципе... да. Работа дерьмовая, но голова на ней не болит.

– Завидую...

К столу подошла официантка с подносом. – Ваш заказ!

Женщина умудрилась принести все за раз. Вот что значит – профессионал. Я порой отвар из кружки проливаю, просто перемещая его с одного стола на другой. А она...

– Спасибо, – кивнула Лиза и взяла зубастый нож.

Нож резал стейк, жадно вгрызаясь в него. Кровь растекалась по тарелке и у меня невольно начинали скапливаться во рту слюни. Я опускал взгляд на забитую до смерти и поджаренную курицу, и аппетит развеивался. Не полностью. Кури-

ца с картофелем тоже были хороши. Но стейк еще и выглядел отменно.

– Хочешь? – протянула мне насаженный на нож кусок мяса Лиза.

– Нет, что ты... У меня свое есть, – я наматывал куриные лоскуты на вилку. – Курица – отменная.

– Ну как знаешь.

Лиза не церемонилась. Ела прямо с ножа. То ли ей было не охота усердствовать с обоими приборами. То ли она не умела, что вряд ли.

Темные волосы так и норовили залезть под нож, запутаться в мясе, и девушка аккуратным движением стянула их резинкой на затылке. Волосы были короткими, с трудом дотягивались до плеч, и собрав их сзади Лиза предстала передо мной в новом облике. Странном. Смешном. Я невольно усмехнулся.

– Что? – уставилась она на меня.

– Да нет, просто забавно как ты сделала это...

– Над ушами моими смеешься?

Лиза нахмурилась, а я присмотрелся получше. Уши вправду торчали. Я усмехнулся еще раз не в силах сдержаться. Она только покачала головой и отхлебнула из бокала вино. Жадно отхлебнула, почти половину.

Я вдруг заметил, как Лиза вином проталкивает стейк в горло, не в силах прожевать мясо полностью. Жадно терзала на куски, а после проглатывала их целиком. С этими воло-

сами на затылке и торчащими ушами... а еще и глотает как чайка. Я тоже отхлебнул вино, пытаясь не расстраивать ее сильнее своими смешками. Уж больно необычная она была.

Она штопает людей, поднимает на ноги стариков. Такая серьезная и невозмутимая, но стоит только к ней присмотреться – по-детски смешная. С детскими комплексами, типа торчащих ушей, с этой странной манерой есть одним только ножом, и огромными кусками.

– Ты сам-то че не ешь? – Лиза отодвинула пустой бокал. – Завис что ли?

Ванька тоже меня сегодня подпинывал. И вправду висну, что ли? Устал? Да нет, вряд ли. Не должен был. Дежурство было вполне обычным. Да и выспался я хорошо. И помылся, и отдохнуть успел. Это я из-за нее что ли подвисяю? Я снова отпил вино. Вина хотелось больше, чем еды.

Я не привык на людях есть, и, глядя на Лизу, почему-то смущался. А вдруг я также глупо глотаю и проталкиваю в себя еду? Вдруг она засмеется? И я снова отпил вино, добив первый бокал.

В голове начинало мутнеть, вместе с мутью от терпкого красного вина появлялся аппетит, и вскоре я тоже начал жадно кромсать бедную курятину.

Вообще странно про курятину... Вот в голове крутятся легкие мысли. И мысли эти почему-то про курятину. Вот смотрю на нее, и такое ощущение, что курицу не просто убили и пустили на еду. Мясо... тушка... выглядели так, будто

беднягу сначала пытали. Били, издевались над ней, быть может словесно унижали. Казалось, будто умерла эта кура от пыток. Не естественно. Не так, как обычно. И мне становилось ее жаль.

Бедная курица...

Вот стейк умер красиво.

А курица...

Какая-то странная слеза затесалась в уголок глаза. Ближе к переносице. Я ее увидел и быстро смахнул тыльной стороной ладони.

– Эй! Ты чего? – вскрикнула Лиза.

– Курицу жалко... – не задумываясь ответил я и Лиза рассмеялась, вновь разбудив сонную официантку.

– Точно... Ну помолись за нее что ли! Или как это у вас, служителей, принято?

– Да не служитель я! Просто верю, – всхлипнул я машинально. – Я за всех молюсь, особенно за тех, кто в дежурство идет. Тех что со мной...

– И как, – Лиза взяла второй бокал, с усилием жуя кусок стейка. – Помогает?

– Ага.

– Вот прям помогает?

– Ага...

– Сколько напарников ты потерял?

– За десять лет? – успокоился я.

– Ну давай хотя бы за год, – увлеченно придвинулась ко

мне девушка.

– Ни одного.

– А за десять?

– Тоже. Ни одного.

Лиза откинулась на спинку стула. – Да ты гонишь. Я каждое дежурство соскребаю мясо, что осталось после вас, бе-долаг. А ты ни одного напарника не потерял!

– Угу, – протяжно выдавил я, попивая вино из второго бокала.

– Да это охренеть же можно! – она вдруг начала мыслить вслух. – Так вот почему мы с тобой не виделись там, у ворот. Ты же всегда целенький уходил.

– Ага. Я поэтому про медиков-то особо и не знал ничего.

– Слушай, если это правда, то у тебя дар! Ну прям, внату-ре – дар! – рассмеялась она, допивая второй бокал вина.

Я лишь хмыкнул.

– Не, – вдруг отрезала Лиза, попивая мой отвар, которым она размачивала бурый рис, прежде чем проглотить. – Я бы не поверила. Но... Ты же и вправду не попадался мне на глаза. А уж за десять лет то... Ну нет, хотя бы за мои пять...

– Поготь. А сколько тебе лет? – вдруг перебил ее я. Уж больно интересно стало пьяной голове.

– Ну и вопросы у тебя. Не скажу!

– Ну Лиза... – начал я канючить, двигая бокал вина от края стола до другого края.

– Да черт с тобой. Двадцать девять мне. Доволен?

– Хе, – ухмылка поползла по моему лицу. Это казалось забавным. Я хотел было сказать что-то про тридцатилетие, но вовремя себя остановил. Волосы еще ладно, но с возрастом ничего не сделать. Сочувственно покивал головой.

– Ты что? Охренел что ли? Это, блядь, че еще за сочувственные кивки, а? – распалилась она. Я испугался и поспешил извиниться. Но она и слушать не хотела. – Счет!

Официантка юркнула к нам со списком съеденного и сканером для штрихкодов.

Вам вместе или отдельно? – вежливо поинтересовалась она, глядя на поплывшие красные лица.

– Отдельно!

– Вместе! – перебил я Лизу и положил на стол свой штрих код.

Официантка молодец. Даже не озвучила счет. Щелкнула лазером, пикнула прибором и удалилась.

Лиза подскочила и поспешила выйти. Даже спасибо не сказала. Взбалмошная какая. Какая пьяная...

Вышла и достала сигарету.

– Дай зажигалку!

А зажигалки-то и нет. Я прыгнул обратно в ресторан и хватанул со стойки спички. С благодарностью кивнул и вышел.

Пламя разгорелось, стоило только чиркнуть чернеющей головкой об каменную стену. Спичка вспыхнула, и Лиза жадно втянула пламя через длинную белую папиросу.

– Так! – вдруг собралась с мыслями девушка. – Прострафился. Несешь меня до дома!

Ее пьяный голос был такой легкий, он то поднимался куда-то вверх, то парил вместе с выдыхаемым дымом.

– Как нести то? – согласился я, даже не сопротивляясь.

– Да хрен знает. Давай как раненного бойца. Будто выносишь меня из тоннеля, – усмехнулась она. – Всегда было интересно, каково это.

Я размял шею, плечи и выхватил у Лизы сигарету. Крепко сжал зубами мягкий фильтр и пригнулся.

Надо было резко. Прямо чтоб с ветерком. Левая рука скользнула Лизе под колено, а правая рука схватилась за ее запястье. Я одним движением подкинул легкую девушку и положил животом себе на плечи.

Она лишь успела буркнуть. – Блядь.

Видимо еда в животе придавилась ее весом. Главное про это невольно не пошутить. Уж как-то неуклюже у меня выходит.

Левое предплечье подтянуло Лизину ногу к груди, и я смог перехватить ее руку. Теперь держал я девушку одной лишь рукой, водрузив на себя как большой воротник.

– Блядь! Держи двумя! – с трудом произносила она слова, растекаясь по моим плечам.

– Нет. Правая всегда держит винтовку.

– Ух бля, какой правильный. Не урони только.

Я сделал пару шагов, и Лиза вновь подала голос

– И ступай мягче. А то щяс блевану.

Это в ней вино говорит. Пол часа назад она была тише воды и ниже травы. Молчала больше, чем говорила. А сейчас бормочет что-то.

Я сделал большую затяжку и в этот момент мой груз выдернул сигарету из моих зубов. Лиза жадно затянулась и свесила голову. Расслабилась.

Короткими легкими шагами я дошел до станции, вслушиваясь в кряхтения за моей спиной. Раненые обычно стонали, а не похрипывали при каждом шаге. Я встал на перроне и дождался железного червяка, что вынырнул из тоннеля.

Свободной рукой я отодвинул дверь и полубоком зашел внутрь.

Усадив своего раненного, пьяного товарища на сиденье, сел рядом.

– Я так больше не могу, – говорила она, склонив голову. – Давай по-другому, а то вся еда наружу вылезет...

По-другому, так по-другому. Я рассмеялся и достал довлевающую сигарету, которую сжимали пухлые женские губы.

Лиза, не поднимая головы, достала из кармана пачку, и протянула мне. Я вынул новую папиросу и подкурил от уголька предыдущей, догоревшей. Дым не успевал подняться, его тут же уносил куда-то ветер, что залетал в вагон через всевозможные щели. Сизый дым вензелями вился перед моими глазами, растворяясь над моей головой, поддаваясь

потоку.

Девушка недовольно буркнула, и я понял, что ей нужна новая сигарета.

Я поднес свои пальцы к ее губам, и она неаккуратно вцепилась в фильтр. Прикоснулась губами к моей руке. Внутри что-то дрогнуло.

Испытывал ли я такое? Вот прям такое! Или это во мне алкоголь говорит? В этот момент я думал, что это все Лиза. Это все ее странные чары.

Я никогда не встречал такой девушки. Такой, что сначала покажется перед тобой голой, а потом стесняется собственных торчащих ушей. Такой, что курит как паровоз и просит ее носить не на руках, а на плечах, словно раненного бойца. Это точно была Лиза. Та Лиза, которую я знаю от силы день, но которая уснула на моем плече с тлеющей сигаретой в зубах.

Я аккуратно достал папиросу и сунул себе в зубы. Лиза не проснулась.

Я сунул правую руку под ее колени, а левый локоть оттопырил так сильно, чтобы ее голова не свисла бесчувственно, как у младенца. Слабая и непослушная голова.

Я поднял девушку и ногой отодвинул дверь остановившегося вагона. Обратного задвинуть не смог, да и хрен с ним — пусть едет с открытой, там все равно накурено, в вагоне этом.

Я прошелся по коридорам и спустился по лестнице до своего тоннеля. И в голове моей заворочались ржавые шесте-

ренки. И диалог родился сам собой.

– Домой ее? – спрашивал я.

– К кому домой? – я же и переспрашивал сам себя.

– Как к кому? К ней! – это точно была моя добрая сторона.

– Там же долбанная собака! Разбудит ведь! – или эта добрая. Я совсем запутался.

– Ну да. Точно. Ей бы выспаться...

Совместное решение было принято быстро. Я повернул ручку своей не запертой двери и потянул ее на себя. Я, как помыться пошел, так и не закрывал ничего. Я, вообще, ее почти не закрываю.

Забредя в темную комнату, я аккуратно положил Лизу на свою кровать и замер.

А дальше что?

Я швырнул окурок через приоткрытую дверь и, не включая свет, склонился над Лизой.

– Не пугайся, ты у меня. Тут тихо, так что выспись, – собрался я уходить, как Лиза вдруг обхватила мою шею и прижала к себе.

Я растаял.

Только и смог, что лечь рядом, уместившись на крошечном клочке кровати. Так тесно, что половиной тела я свис над полом.

Ее волосы пахли мылом. И немного духами. Какими-то простыми, из цветов и чего-то еще. Чего-то сладкого.

Мой острый нюх, слегка притупленный куревом, заставил

меня вдохнуть ее собранные в хвостик волосы. Сердце билось. Билось часто и уверенно. В венах больше не было привычного желе. Кровь была жидкой, и я слышал, как она шуршит в моих ушах.

Уши... Я носом коснулся ее торчащего уха. И захотел большего.

Губами прикоснулся к мочке. Мягкой, раскаленной до красна. Живой.

Лиза сделала резкий вдох. Нравится? Я спустился чуть ниже и теперь прикоснулся уже к шее. Тонкой девичьей шее...

– Джееек! – резко протянула она. Не просыпаясь. Протянула и нечеловечески сильно толкнула меня с кровати. – Пшел прочь!

Как ни крути, а собака все равно испортила ей сон. Я распластался на холодном полу, прилипая ожогом к футболке. Больно.

Молитва

Не успел я открыть глаза, как Лиза суматошно вскочила.

Она дернула мою руку с часами и выругалась. – Блядь!

Дверь захлопнулась, и я прозрел, поймав замыленными зрачками тусклый свет единственной лампы. Искренне надеюсь, что Лиза выпалась.

Странно это. Странно, что бедной девчонке приходится пахать свою, ночную, смену, а потом пахать еще и чужую. Дневную. Дежурную.

Я уселся там же, где и спал, пытаюсь побороть те два стакана вина, что еще из меня не выветрились до конца, оставаясь легкой тяжестью в голове. Я не напился, так, слегка подпортил свое восприятие. Чуть повеселел, прогулялся с девушкой, но не напился. Обычно я напиваюсь с Ванькой и отправляюсь путешествовать по городу.

Напиваюсь я, в основном, перед выходными. Пью на все деньги, чтоб не просто весело было. Чтобы было не скучно. Скука – страшная вещь. И уж куда веселее проснуться в непонятном мне месте и искать дорогу до своего дома, чем провести все бодрое утро в размышлениях о том, чем бы сегодня заняться.

Я никогда не буяню. Максимум – асоциально пошатаюсь, и врезаюсь в узкие проемы тоннелей. Пару раз падал с лестниц. Но не более. Я не пристаю ни к девушкам, ни к

служащим, и тем более не забредаю туда, куда не следовало бы, вроде. Просто отправляюсь наугад вперед. Засыпаю в поезде и просыпаюсь на неизвестной остановке. Потом – еду на лифте, пока не выгонят. С лифта пересаживаюсь на центральную клеть. Иногда брожу вдоль металлургических тоннелей. Глохну около экструдеров. Нюхаю выделения Химпласта.

Зато каждый раз после такой пьянки я просыпаюсь новым человеком. Мудрым, сильным, совершившим рывок до края земли и обратно. Я становлюсь таким человеком, которому горы по колено, который за один свой шаг перешагивает весь Заслон. Я первопроходец, я искатель. Я рожден в то самое время, когда надо путешествовать и изучать свой город. Свой дом. Необъятный и бескрайний.

Завтра дежурство. Опять. Снова в эти тоннели. Снова смотреть в пустые глаза демонов. Снова рисковать жизнью. Жизнью...

Я достал с полки небольшую книжку и слова ровным потоком потекли из моих уст.

О великая воля, что всевидящим оком восседаешь надо мной. Над душой моей слабой. Над душой моей человеческой. О великая сила, что распадается на жизни наши человеческие. На слабые тела наши, грея их изнутри. О великая мудрость, что путь предрешенный под ноги нам ставит, да направляет нас, людей слабых.

Прошу тебя. Тебя. В величии твоём, в мудрости и силе

твоей. Не оставь нас во греху. Не во греху мы родились. Не во греху и оставь.

Не во греху простом, людском. Не в алчности и лени. Не в гневе и зависти. Не допусти нас до уныния и блуда. Убереги от гордыни, что близит глупых к тебе.

Я бормотал это все минут тридцать. Может, сорок. И когда закончил печатную версию. Начал простую, человеческую. Своими словами. Ведь он, Бог, сила, которая движет всех нас, и так меня поймет. Как понял бы любого.

– Еже ли полезен я тебе – убереги. Убереги меня и тех, кто рядом со мной. Мы щит и меч твой. Мы кровь, что жертвенно льется и глаз твоих. Мы слезы, что ты проливаешь над миром нашим проклятым. Дай служить мне и братьям моим. Дабы грехи смыть. Дабы страдать и за себя, и за других. Дай нам нести на себе грехи слабых и безвольных, дабы жизнь их была чище. Взвали на меня грехи и... – я задумался над правильностью того, что собираюсь сказать в слух. – Взвали на меня грехи и слабости близких моих.

Зажмурил глаза, вспоминая всех, за кого прошу, вычеркивая умерших, но не забывая про них.

– Убереги от печали и дай силы своей людям, что верно служат тебе, бредя под твоим знаменем, прошу, не отбери благодати у Ваньки, начцеха Егора, как бы его там по отчету не звали, мужика, что моет бани и помывочные после нас, хороший он мужик... – перечислял всех, кого знал хоть чуть-чуть. Много набралось и каждого описал, чтобы Бог уж

точно заметил их. А потом добавил нового человека. – Убереги и Лизу. Ей нужнее всего. Пусть тяготы обходят ее стороной. Пусть руки ее и по локоть в крови человеческой, но во благо это. Хотя ты и сам видишь. Ведешь ее, как и меня. И ко мне привел. Чтобы рядом нас оберегать, чтоб не распаляться, а на нас вместе смотреть.

Поймал себя на мысли, что зашел в мольбах своих не туда куда-то. Притих. Поморщился от того, как глупо это звучало, сжал медальон посильнее и продолжил. Точнее, начал с другого места.

– Я меч твой и щит. Я жизнь по частям раздаю ради паствы твоей. Я преграда на пути зла. Да не убоюсь я его, да не покорит оно меня. Не будет мне другом и братом, – я сглотнул. Пора просить за себя. – Дай мне сил выжить. Дай мне сил стоять крепко на ногах и вернуться. Я обещаю, что когда-нибудь отплачу тебе за это. Верну все сполна. Верни меня домой. Проложи путь во тьме. И пусть моя не дрогнет рука перед лицом зла. Я твой меч и твой щит.

Лампочка над головой начала моргать. Услышал, что ли?
– Аминь.

Я просидел на полу, прижимая к груди медальон, без малого, два часа. Два часа, которые ничего не стоят по сравнению с завтрашней сменой.

Если есть ад...

– Помолился за меня? – толкал меня в плечо Ванька, покачиваясь в полном вагоне, что мчался до буферной зоны.

– Помолился.

А как иначе? Ваньку помнить начал с того же момента, с которого и родителей. Вот только родители умерли, а Ванька еще тут. Они жили по соседству с нами. Ванька и его семья. Самая обычная семья. Мать, отец и сынишка. Мелкий, но коренастый. Всегда был коренастым, и даже сейчас он такой. На голову ниже, но веса в нем на порядок больше чем во мне. И ведь толстым не назовешь. Этого Ваньку.

Иваном его вообще никто не называет. Иван – это как-то серьезно, а на Ваньку без смеха не взглянешь. Мелкий, взбалмошный, суетной. Прыгает себе по лифтам и клетям да анекдоты пошлые рассказывает. А порой как учудит что – так плакать хочется. Иной раз напьется и давай за девками бегать по площади. Так и выходит: он в изолятор, я – на край света. Так, обычно и расходимся с ним после попоек. К утру оба дома.

Но как ни крути – друг. Всегда поможет и поддержит. И секрет ему любой доверить можно. И совета попросить, какого-никакого. Был бы я таким хорошим и открытым человеком – не был бы так одинок. Ванька, вот, не одинок, у него помимо меня друзей – вагон.

А вагон-то качается все сильнее и сильнее. Рельсы перед буферной зоной начинают упрямо косеть, каждый раз заставляя думать: «Доедем ли?»

– Как-то неуверенно ты ответил. Семыч, от качества твоей молитвы мы все тут зависим. Все уже привыкли к твоей этой фигне. Так что давай. Если не домолился – домаливай. – Ванька начал расталкивать сидящих. – Слыш подвинься. Тут молитвеннику сесть надо.

Люди начали веселеть. Иван как безумная селедка в бочке. Один единственный тут толкается, но весело становится всем, потихоньку.

– Да успокойся ты, – усмехнулся я. – Нормально я помолился. Как обычно.

Вагон вылетел из черноты и в уши ударил оглушающий рев сирен.

Красный свет сигнальных ламп не дал понять сразу, что происходит. И лишь вывалившись на платформу в первых рядах я увидел это...

– Молись заново, – Ванька дотянулся до моего плеча. Его голос дрожал, как и он сам. Люди начали выбредать из вагона, обтекая нас.

– И за меня помолись, Семыч, – толкнул меня кто-то в спину. Аккуратно так, будто рука утопающего погладила.

– И за меня...

– Да, Семыч, – встал рядом мой бывший одноклассник. – И за меня помолись. Хоть я в это и не верю, но ты помолись.

Это все было странным с самого начала. Я думал нам не повезло забиться всем в один вагон. Но вагон был не один. Все были полными. И не спроста. Столько людей сюда послать... Словно это не случайность все, а продуманный план.

Вот это все, что происходит перед моими глазами, пока я раскрываю свой рот от ужаса. Цепящего ужаса.

Гул сирены не прекращался ни на минуту. В воздухе стоял рев и скрежет. Ворота открывались и тут же закрывались. Желтые куртки влетали в маленький зазор между стальными створками и падали на холодный пол.

Нету тут привычного гробового спокойствия.

Я быстро смекнул. Понял сразу, даже через рев и скрежет в помещении. Если все учебники истории – правда, то это новый демонический застой.

Наблюдая, как желтые куртки заносят своих раненных товарищей, я думал лишь о том, что там, за воротами. Раненых становилось все больше. Ворота открывались и закрывались, наплевав на расписание.

Между стальными плитками начала скапливаться кровь, вырисовывая красную сетку под ногами. Я шел и не слышал своих шагов. Всюду крики и ругань. А еще стоны.

Стоны раненых и пожранных людей не замолкали ни на секунду. Прочные желтые куртки на многих были порваны в лоскуты и окрашены в несвойственный им цвет. Оторванные конечности ремнями привязывали к людям, чтобы хоть как-то попытаться восстановить их. Тут рука. Тут нога. Тут чье-

то тело и голова на нем. Кровь не хлещет. Застыла в жилах.

Мертвых складывали отдельно, предварительно сняв с них целую экипировку. В итоге получалась гора голых мужчин, покусанных, перепачканных. В пыли и земле.

– Так! – крикнул интендант в рупор, чтобы донести свои слова через всевозможный шум. – Медосмотра не будет. Все в оружейную и к воротам. И не глазейте по сторонам!

– Как медосмотра не будет? – шептались вокруг. – А если мы не готовы? Если больны?

Я видел, как подкашиваются ноги у многих. После увиденного уже не хочется ступить за ворота. Я тоже не хочу. После всех этих тел, после всей крови, что прилипла к подошве ботинок и оставляет следы. Я не хочу.

– Че встал? – толкнул меня работник буферной. – Дуй в оружейку! Там сегодня быстро.

И слова не дал вставить. Ему хорошо, он тут на постоянной. Вот тут, за воротами.

– Эй! – раздался знакомый женский голос. – Дайте мне этого, нужна помощь!

Лиза прибежала из толпы, выхватила меня и уволокла прочь. Работник пожал плечами.

Раз медику понадобился я, то видимо неспроста.

– Ты че здесь делаешь? – прошипел я, ведомый к ровным рядам раненых.

– Дежурство, че еще то? – Лиза явно была не в настроении. – Помогай! Подержи его, пока я лоскут сделаю!

– Да какое, блядь, дежурство! У тебя смена кончилась! Вали отсюда! – я прижал ноги какого-то парня. Его наш разговор совсем не волновал. У бедолаги были проблемы посерьезнее. У него там голени нет, всю отожрали.

Кровь хлещет во все стороны, а Лиза, перепачкавшись в ней по локоть еще и умудряется орудовать маленькой иглой.

– Какой ты, блядь, наивный! Моя смена ни хрена не закончилась! – она дрожащим голосом кричала на меня, соревнуясь с сиреной. – И я, блядь, понятия не имею, когда это случится!

– Что ты... – к горлу подступила рвота, когда я взглянул на подрезанную, аккуратно отпиленную голень. – Господи! Что ты делаешь?

– Лоскут ему пришиваю! Я всю смену только это и делаю, блядь! Я долбаный фельдшер!

– Вот черт! Да не брыкайся ты! – крикнул я через плечо, пока Лиза прямо перед моими глазами протягивала тонкую черную нить от одного куска кожи до другого. Я всякого повидал, но чтоб вблизи. Такое. – Блядь!

– Да что ты все орешь то! Просто молчи и помогай!

И я вдруг задумался. А потом сказал это вслух. – Зачем?

Вопрос прозвучал глупо и убого, не передавая всего, что я хотел уточнить, но Лиза поняла.

– Не хочу, чтоб тебя потом также зашивать пришлось!

– Эй! Эй! – я схватил ее за плечи. – Хорошо! Хватит! Успокойся!

Она и вправду на секунду остановилась. Смотрела на свои руки, на которых свежая кровь перемешалась с хлопьями засохшей и тяжело дышала. И вдруг она заплакала. Не выдержала.

Я бы и сам не выдержал. Я тут не больше минуты, а меня уже воротит от того, что я увидел. И это меня, того, кто самолично разделяет на части животных. А каково ей? Слабой маленькой девушке.

Парень перестал стонать и брыкаться. Потерял сознание от боли. Я смотрю на все это и мне становится страшно. Неужели сегодня Бог покинул нас? Оставил на съедение демонам.

– Ты прав, – она вдруг сделала узел и обрезала нитку. – Сними с него жгут. У меня руки скользкие.

Я надавил пластиковую защелку, и эластичная лента разлетелась в стороны.

– Подожди. Отдышись, – я вновь положил руки ей на плечи. – Смена кончилась. Тебя скоро сменят. Пойдешь, помоешься и постарайся уснуть. Выпей на крайняк...

Я говорил это все, и сам мечтал сделать так же. Я уже весь перепачкан кровью, мне уже плохо от происходящего. А сколько она в таком темпе орудует? Час? Два? Или может так с начала смены?

– В середине смены... Повалили раненые. До хрена просто. Я, блядь, только и успевала, что жгуты перестегивать. А потом сунули инструмент. Я... Я не хочу так. Не хочу, чтоб

работа такая... – Лиза заплакала и упала мне на грудь. – Где твой Бог? За что он так с ними всеми? Почему я должна в этой крови плавать?

Я обнял ее. Обнял посреди этого ужаса. Крики, стоны. Всюду снуют люди с оружием. Под потолком носится кран балка, перенося раненых. Вагоны загружают телами и отправляют в черноту тоннеля. Весь пол в крови. Все медики в крови. Хирурги в прорезиненных плащах носятся со своими ножовками от одного к другому. В одной руке скальпель, в другой пила.

У кого укусы – сразу отпускают, говорят идти своими ногами в больницу. У кого зашить рану нужно – тоже. Кле-ем полют и готово. Тоже пусть дома к врачу идет. А вот с кем хуже... Оторванные ноги, руки. Тут серьезнее. Подрезают хирурги. А зашивают такие как Лиза. И все в шоке. Руки у всех трясутся, ходуном ходят, люди мечутся с места на место и не знают за что взяться.

Многие доживают последние минуты. Порванные легкие, порванные глотки. Всюду хрипы. И эта долбанная сирена на открытие ворот!

Я оглядываю весь этот ужас и поверить не могу. Предыдущая смена тоже была огромной. И наша огромная. И люди перемешались, больные со здоровыми, и толкаются. И спотыкаются друг об друга.

Лиза молодец: вывела меня в сторону, позволила вникнуть, одуматься. Прийти в чувства. Я от увиденного в шоке,

и теперь представляю, чего ждать за стеной. Я сижу с ней и уже все понял. И спрятаться хочу. И помолиться.

А она прижимается ко мне. Я чувствую, как кровь с ее рук пропитала мою футболку. Какие руки у нее горячие. Странно и страшно. И нутро все упало вниз живота, тянет к земле, не дает отодвинуться и встать.

Ворота закрылись, и сирена замолкла.

– Смена медицинского персонала! – кричал кто-то в рупор. – Повторяю! Смена медицинского персонала!

– Я же говорил, что скоро сменят тебя, – погладил я ее по темным волосам, что собраны в маленький хвостик. – Все, отдышись. Иди домой, отдохни.

Лиза только головой ворочает.

– Ну ты чего? – отодвинул я ее. – Вставай! Иди! Меняются уже все!

– Я останусь.

– Что? На хрена?

– Ты мне тут pomoжешь, и тебя не отправят!

– Ты дура что ли? – я подскочил и поднял ее на ноги. – Иди, блядь, отсюда!

Я уже тоже не выдерживаю напряжение. Ради нее пытался сдержаться. Но не выходит. Не могу. Как же назывался этот эффект... Не могу вспомнить.

Смотрю на нее и боюсь, что она еще одну смену такую пахать будет. Тогда она точно сломается.

– Эй... – подошла к Лизе ее коллега и взяла под руку. –

Пойдем, все кончилось...

Лиза даже глаза на меня поднять не смогла. Послушно, словно загнанный зверь, поплелась туда, куда ее тянула чужая рука. Я еще какое-то время слышал, как Лизу успокаивает ее подруга, но вскоре голоса перемешались и затихли. А вскоре и Лизина фигура пропала.

И вскоре подошли и ко мне.

– Долго сиськи мять будешь? Давай, праведник, пошли в оружейку! – говорил мужчина в форме. Я не помнил его имени. Пересекались сменами. Как и с многими тут. Я старался не вглядываться в лица раненых и погибших, ведь за десять лет я точно их всех встречал. От этого становилось не по себе.

Подлетели новые медики. Чистые, свежие. Подхватили парня, что лежал у моих ног и уволокли в вагон.

– Паспорт, – протянул руку мужик, что сегодня выдавал оружие.

Я сунул руку в карман и испугался. Сунул в другой и страх перерос в панику. – Я забыл его.

– Да, да... У вас коллективная амнезия, – мужик потушил сигарету об стол и бросил окурочок в коридор, через открытую дверь. Не церемонясь. – Знаешь, сколько вас сегодня таких?

– Да я правда его забыл! В ресторане! Позавчера!

– Да мы поняли уже. Поняли. Не ори, – шариковая ручка черкнулась на клочке бумаги и улеглась на стол. – Вы скоро там? Тут одежды не хватает!

В оружейный кубик внесли на носилках гору желтых курток. Все в крови, рваные.

– Выбери. Это все, что осталось. Ты поздно пришел.

Вот черт.

Не было привычного порядка. Правила сегодня никто не соблюдал. Человек, что принес гору вещей тут же взял со стойки пыльную и грязную ТВС и вручил мне. – Сегодня можно не под залог. На честное слово.

И вот это, вроде, шутка была, а никто не улыбнулся. У всех лица бледные и глаза навывкате. И у меня навывкате. Как рыбы тут, мордами своими испуганными по сторонам глядим и понять ничего не можем.

Я свои рыбки глаза рукой внутрь головы вдавил и винтовку взял. А мужики – нет. Смотрят, моргают изредка. Губы обветрились и засохли.

Может стоило дать Лизе поработать еще смену? Я бы помог ей.

А вместо этого роюсь в окровавленных куртках, выбираю ту, что получше. Ковыряю грудь и понять не могу, что ищу. Мысли в голову не идут, мимо пролетают. Руки уже красные, а я все найти не могу.

Нашел. Вот эта подойдет. Мой размер. И в карманах патроны звенят. Как они туда попали?

– А каску?

Мужик за столом привстал, так слегка, а потом как ударит ладонью по столу. Так ударил, что мне аж больно стало. –

Какую каску? Какую, на хрен, каску? Блядь! Да вы бы пристегивали их, каски эти! К бошкам своим тупым! Авось не растеряли бы!

Понял. Каски не будет. Фонарика, значит, тоже не будет.

Я, как контуженный, вышел из кубика оружейной и встал в строй. Даже не так, в общую кучу. Это был не строй. Все, вроде, выстроились, но как-то криво. С подкошенными ногами. В какой-то панике. С глазами этими, торчащими, чтобы глядеть во все стороны удобнее было. Кто в новой одежде, кто перепачканный, как я. Меня так хорошо снарядили, что я даже штаны с ботинками сменить не успел. Или не на что было. Все что вернулись, небось, обгажены да обоссаны. В свои придется. В парадные. Блядь...

Я выбился и общей толпы и прислонился к холодной стальной стене. Прислонился и покатился вниз. Вынул медальон из-под куртки и бормотать начал. Не помню, что бормотал. Несвязное что-то. Это уже не просьбы была, не мольба. Скорее уговаривал кого то, чтоб пощадили меня. И Ваньку. И мужиков всех этих.

Ванька молча сел рядом. Потом и мой одноклассник. Еще пара мужиков, что со мной в тоннели ходили не раз. Остальные смотрели. Я, когда глаза свои поднимал, натыкался на их взгляд.

И читалось в этом взгляде только одно: «Спаси нас, Сема. Отмоли грехи наши. Договорись там, чтоб на потом отложили»

Они всегда как на безумца на меня смотрят. С молитвами этими и Богом за пазухой. А сейчас и сами уже верят. Во все верят. И что бы я ни сказал – поверят. Надеюсь еще не поздно. Поверить.

– Семен! – снова раздался женский голос, и толпа расступилась, пропустив Лизу вперед.

Она успела отмыть руки и сменить одежду.

Я взглянул на нее снизу-вверх, полными испуга глазами и попытался как можно более сдержанно ответить. Но дал пеху. – Тебе чего?

– Я тут буду. Тебя дождусь.

– Дура? – вскочил я. – Домой иди!

– Да ты задолбал! – она со всего размаху треснула меня ладонью по лбу. – Соберись! Не об этом думай!

И вправду. Я пять минут назад успокаивал ее. Теперь она возвращает должок.

Я проглотил густую пену, что была у меня вместо слюны и убрал медальон под куртку. Она права. Я уже помолился. За всех помолился. Теперь главное самому не оплошать.

Девушка быстро куда-то удалилась, и я заметил, что она подняла настроение не только мне. Все стояли и улыбались от увиденного. Всем стало смешно, когда она огрела меня своей маленькой ладонью, и вместо слов подбадривания лишь отругала, как нашкодившего ребенка. Всем, вдруг, стало легче.

– Эт че, получается? – пережевывал сухим ртом ехидный

Ванька. – Эт ты не ожог мазать ходил. А кой че другое?

Я провел рукой по свежей щетине на лице. – Получается так.

Гладиаторы приготовиться

– Стройся!

Я нехотя оторвался от медальона и утихомирил слова в голове. Перед толпой людей стоял Игорь. Игорь и еще пара мужиков в высоких чинах.

– Распределения не было. Мы его проведем. Встать в три шеренги! – кричал один из тех, что был при погонах. Кто он там, капитан? Нет, кто-то выше, но я не могу разглядеть рисунки на плечах.

Игорь увидел меня. А вот я сейчас этого меньше всего хотел. С его тягой убивать злых демонов мы явно назад не вернемся. А если и вернемся, то по кускам.

– ... итак! От тысячи и выше! Шаг вперед! – громыхал голос лысого человека в военной форме. Его одежда, в отличие от нашей, была черной и не отражала свет. А вот голова отражала. Он был лысым и наполированным. Ботинки блестят, голова блестит. Эх, сука, тебе бы в эти тоннели...

Тысяча вылазок – это, без малого, двадцать лет службы. При среднем возрасте в сорок лет. Много ли таких? Я, вот, не думаю.

Вышло всего-то тридцать человек. И крепкими их я бы не назвал. Держались они ровнее прочих, но седина в волосах заставляла усомниться в их готовности. Тридцать человек... обычная смена вмещала в себя столько. Но тут куда больше

людей. Я и сосчитать не могу. Может сотня. Да. Точно. Примерно столько.

Я вдруг задумался о том, что же мы там будем делать такой толпой. Идти колонной на демонов, падать, закрывая проход позади идущим, умирать... Так это же демоны... они так делают! Но мы-то не демоны!

Вот блядь! Че там, за воротами? Че там творится, раз нас тут так много?

– От пяти сотен до тысячи! – кричал лысый.

Я обычной походкой сделал несколько шагов и выбился из строя. Вместе со мной еще человек пятнадцать. А остальные? А остальные стояли. Странно как-то выходит. Тут и со счету сбиться можно. Мы вот с Ванькой одногодки, но у него и не набралось пяти сотен походов за стену. Халтурщик.

Тех, кто служил больше двадцати лет было всего тридцать. От десяти до двадцати – пятнадцать. И пятьдесят человек, что независимо от возраста и рода деятельности так и не набрали пяти сотен вылазок.

– Вот и славно! – продолжал человек в военной форме. – Наш общий долг – защитить Заслон! Сегодня нам предстоит...

Я перестал слушать. Это обычная воодушевляющая речь. Такую всегда толкают, когда в предыдущей вылазке были жертвы. Она у них где-то на бумажке записана, одно и то же, раз от раза.

Я переглянулся с Ванькой. Ему явно не по себе, нет той

привычной глупой ухмылки, что всегда на его лице. Да ни у кого нет на лице ничего похожего на расслабленность. Все с круглыми глазами. И пусть стоны и крики уже почти стихли, но в голове они еще долго будут звучать эхом.

– Слушать меня! – выкрикнул второй в форме. Волосы белые-белые. Прозрачные почти. Зубов давно уже нет, но это не мешает ему говорить. – Первая группа – авангард! Как только подойдут командиры звеньев – вас распределят по ним...

Что? Не один авангард? Несколько? Два авангардных отряда – редкость, а тут на шесть наберется.

– ... Вторая группа – арьергард! Вас распределят командиры авангардов. Своих командиров у вас не будет, определите по старшинству! Вам в помощь добавят из оставшихся. Все ясно?

Молчание.

– Тогда с оставшимися будет проще. Все, кто имеют электротехнические и монтажные специальности – шаг вперед!

Ванька и несколько других человек сделали шаг.

– Вы – монтажная группа! Получите кабеля и взрывчатку, – словно по методичке говорил старикан. – Распределите работу между всеми, кого определяют вам в звено! Вы – за главных. Все ясно?

И опять молчание. Ванька аккуратно начал приближаться ко мне, надеясь больше не отделяться.

– Наша цель на сегодня, – вновь подхватил тот, у которо-

го голова блестела. – Это подорвать четыре тоннеля! Протяженность подрыва – километр! Пятый тоннель так и остается основным! Всем все ясно?

К командованию подлетели еще несколько человек в желтых куртках. Будущие командиры.

– Выполнять!

Вместо привычной суеты все остались стоять на месте. Никто так и не понял, куда им теперь идти. Идти ли, или их сейчас выберут и определяют?

Да. Так и получилось. Я издалека смотрел, как командиры отбирают людей из первой группы. Спорят, знакомятся. Потом подошли к нам. Игорь тут же ухватился за меня.

– Ты со мной, – улыбнулся он. – Что насчет подрывников. Знаешь кого?

– Ну да. Знаю, – в этот момент я еще думал, хорошая ли идея брать Ваньку. Игорь, хоть и хороший боец, но уж очень безрассудный. И если он и сделан из железа, то остальные – нет.

– Ну и? – он поймал Ванькин взгляд и пристально посмотрел на моего друга. – Этот чтоль?

Я невольно кивнул.

– Ожидай у оружейки. Я всех наших туда сгоню. Там все и обсудим.

И я снова невольно кивнул. Уж если идти помирать, то хотя бы с таким командиром. Он точно будет сражаться до последнего... Вздоха или демона.

Махнув Ваньке рукой, я подозвал его к оружейке.

– Ты со миной будешь.

– Бля, ну наконец то. Дано мы с тобой не были в одной команде.

– Нашел чему радоваться! – прошипел я, вспоминая, как далеко нас завел в прошлый раз Игорь. – Да и не будем мы в одной команде. Я – арьергард, а ты – монтажник.

– Да че ты взъелся, Семыч? В одном же тоннеле!

Ему, словно, полегчало, как только он понял, что мы с ним идем в одну и ту же дыру. Ну хоть кому-то стало лучше. Не буду ему рассказывать про Игоря. Пусть не знает. Все равно второй волной пойдет.

– Короче! Собирай себе ребят. Желательно тех, с кем уже ходил. И это, встречаемся тут, – я похлопал себя по поясу. И тут же посмотрел на Ваньку. – Тебе тоже патроны не дали?

– Прикинь – нет. Сам удивлен, хотя куртку выдали чистую. Не то, что твоя, – он усмехнулся. – Ты в тоннеле не был, а уже весь в крови!

Я поднял руки и посмотрел на кровь, что уже успела засохнуть на ладонях. Кровь, что осталась от помощи Лизе. – Ну да...

Иван махнул рукой и удалился. А я остался стоять. Ждать остальных.

Над головой пролетела кран-балка, неся в своих цепких тонких лапах огромный железный контейнер. Покачиваясь и звеня контейнер встал прямо у выхода, почти облокотив-

шись на стальные ворота. Крановщик крикнул людям внизу и те отцепили крюки.

– Вот как... – улыбнулся я, осознавая, что патроны сегодня будут выдавать так.

Обычно все выдавали под запись. Строго ограниченное количество. Сегодня – карт-бланш. При том – полный. Бери столько, сколько унесешь. Еще бы винтовки не плавилась от такого количества пуль и пороха.

Я хлопнул себя ладонью по лбу, выронив винтовку, которая повисла подмышкой. Река патронов и есть одна из причин такого числа жертв. Патронов было так много, что их даже по карманам распихивали! Чтобы хоть десяток, да унести с собой. Вдруг пригодится.

Нет! Шесть полных магазинов, выпущенных подряд – предел! Дальше ТВС уже не стреляет! Она на четвертом-то клинит, а после шестого начинает плавиться. Иногда патрон взрывается в патроннике. Надо бы не поддаваться соблазну. Не брать слишком много.

Десять минут спустя меня обступили люди, что будут со мной в одном тоннеле. В общей сложности девятнадцать человек. Шесть в авангарде. Нас, в арьергарде, четверо. И девять человек монтажников.

Игорь был полон сил, а глаза его горели, когда он озвучивал план. Я вдруг задумался... Какое забавное стечение обстоятельств. Мы с ним второй раз подряд в одной смене. В одном странном дежурстве.

Только потом, посмотрев на ноги Игоря я понял, что это его сверхурочные. Мужик развлекается. Это, как минимум, его вторая вылазка за сегодня.

– Всем все ясно? – прогремел голос Игоря. – Тогда берите самоспасатели и вперед к воротам. Не теряйте бдительность, наш тоннель будет начинаться выше остальных, так что нам нужно будет в него еще забраться. И все это время на нас будут лезть демоны. Они там. Сразу за воротами.

Кадык продавил песок вместо слюны. Горло склеилось и заболело.

Когда к нам подтащили краном нашу кабельную бухту я уже во всю расклеивал на своей куртке магазины. Я взял семь. Говорят, что это счастливое число. Мне удача сейчас не помешает. Развешал их аккуратно, так, чтобы всегда были под рукой. Пересчитал в каждом патроны, проверил поддачу. Закрепил самоспасатель.

Надеялся я теперь лишь на то, что цифра семь и вправду поможет, и на то, что удача не будет учитывать тот магазин, что в ТВС. Восьмой магазин.

Начала грохотать турель, что вечно висела над воротами со стороны тоннелей. Я даже через толстые листы железа слышал, как пули шлепают по мягкой плоти, превращая всех, кто вылез из черноты, в решето.

Завыла сирена и все, кто находился в первых рядах вскинули оружие. Как только появилась щель – начался стрелкот. Затворы хлопали, выдавая бурные аплодисменты. Тол-

стые стволы – глушители не позволяли выстрелу разыгаться на полную, но мне хватало и этого. Сначала десять человек стреляли в щель. Потом двадцать. Сейчас и я был готов поднять ТВС. Было бы куда.

Толпа людей медленно начала шагать за ворота, туда, где был атриум, сделанный из одного лишь острого камня. Под большой купол, в который обычно выходил только один тоннель, кишасший уродами.

Теперь нет ни аванпоста, ни камер, что следят за приближением демонов. Нет и взрывчатки, что давно уже обрушила тоннели. Все, какие выросли за сутки. Даже тот, по которому мы бродили позавчера – обрушен.

Порода всем своим весом схлопывается после взрыва. Миллиарды тонн придавливают осыпавшуюся скалу. Но демоны вновь делают в ней тоннель. Трамбуют по краям, или прорезаются через новую скальную породу, ту, что еще не осыпалась.

И сейчас, стоя позади авангарда, я закрываю собой Ваньку, что со своей командой уже ухватились за тонкий армированный кабель и готовы рвануть с ним вперед, выматывая из бухты, которая неподвижно стоит тут. У самых ворот. Ворота закроются и Заслон оправдает свое название.

Я гляжу на чернеющий тоннель справа вверху и думаю о том, как же трудно в него будет залезть. Вскидываю винтовку и не целясь колошмачу по уродливой рогатой башке, что вынырнула из темноты. Демон падает, выпуская едкую чер-

ную кровь во все стороны. В атриуме полумрак, лишь фонарики судорожно мельтешат по черным дырам, что провалами уходят под привычный горизонт, или как наш, вскарабкиваются вверх.

Зайти внутрь. Протянуть кабель. Повесить несколько рядов. Уйти. Подорвать. Что сложного?

Ничего.

– Ну вот и вперед! – рывкнул командир, и наша группа устремилась к верхнему тоннелю.

Двое из авангарда приставили длинную лестницу, и Игорь, один из первых, залетел по ней вверх. Всюду рыхлая земля, мелкие осколки скал, а своды атриума вот-вот рухнут. Но этого нельзя допустить. Надо оставить один тоннель. Контролировать все, как и раньше. Не подпускать их к дому. Не подпускать!

Мы протиснулись в тоннель, оставляя монтажников позади. Наше звено следовало за авангардом, но должно было замедлиться, как только пройдем двести метров. Дальше – прикрывать монтажников.

– Эй, помнишь меня, – борясь с одышкой кто-то крикнул мне в ухо. – Это я, пианист!

Я обернулся, и заметил, что, следом за Ванькой, кабель тащит именно он. Вчера он дежурный, сегодня – монтажник взрывчатки. А по жизни – пианист.

Тонкий черный кабель начал тяжелеть под собственным весом, и стало очевидно, что ребятам приходится прилагать

усилия, чтобы волочить его в крутых поворотах этого странного тоннеля. Едва ли в сантиметр толщиной, кабель норовил выскользнуть из рук. Еще сотня метров, и ребята начали стирать ладони, волоча его. Кабель предательски цеплялся, и постоянно застревал. Рывок – снова ползет.

Жилы кабеля были очень тонкие и хрупкие. По этому их запаковывали в изоляцию, а вместе с ними и стальной трос, который армировал кабель по всей его длине. Именно благодаря этому тросу никто не возвращается, делая пару шагов назад, чтобы найти место, где кабель зацепился. Просто дергают и бегут дальше. Так быстрее.

Еще двести метров и даже я начинаю тянуть кабель. А он, сука, не поддается. Застревает так, что приходится раскачивать на раз-два-три. Качаем и тянем дальше. С тоннелем не повезло. Остальные, наверное, уже закончили. Наш кривой. Вот, блядь, кривой. Бежим и тянем этот кабель. Тринадцать человек. И у всех руки в крови. Скользят по кабелю. Кто-то тряпочку обмотал – держит, а мне и обмотать нечего, благо хоть куртку дали.

Впереди не прекращаются крики. Ребята сменяют друг друга, прогрызая путь вверх через толпы демонов. Мертвые туши кубарем катятся по тоннелю сбивая с ног зазевавшихся монтажников. Многие падают и тут же поднимаются. Винтовки на предохранителях хранят молчание.

Если долго идти вверх, получится ли выйти наружу?

– Пол пути! – прохрипела рация на груди Ваньки. Отметка

на кабеле дала сигнал тем, кто караулит бухту. Еще совсем чуть-чуть. Совсем немного. Половинка всего лишь. А тоннель все вертится, меняет уклон, поворачивает. Уже укачало волочить кабель паровозиком, а мы все идем.

Радует только то, что авангард не пропустил ни одного демона. Валяются уроды поштучно, мелькают мимо, но ни один так и не поднялся после Игоря и его бравых ребят-ветеранов.

Ноги начали вязнуть. Грязь? Откуда тут вода? Я огляделся, но не нашел откуда выходят грунтовые воды. Ни одна стена не сочилась. Я зажег фонарь на винтовке и опустил голову. Ботинки чавкали в черной земле, тонули в каше. Отблески света отдавали оттенок на стены, окрашивая их в красный. Это была кровь. Оттуда, где стоит командир, льется ручей крови. Еще чуть-чуть и станет рекой.

– Тормози! Тысяча. Забуривайте взрывчатку! – разговаривал кто-то на груди моего друга.

– Все слышали? Крикнул Иван. Доставайте инструмент!

Крепкие ребята, что тащились самыми последними, вылетели вперед. У каждого за спиной был огромный перфоратор. Бур уперся в стену и с грохотом начал кромсать породу. Бур иногда подкусывало, выворачивая руки парням, но к ним на помощь приходили другие. В их руках куда более полезная вещь, нежели в моих. Я крепче ухватился за ТВС и принялся ждать.

– Готово! – крикнули монтажники, разбуриив шесть ровных отверстий, каждое из которых было рассчитано под

шашку динамита.

– Все, давайте на отметку в пятьсот! – махнул Ванька. Он обычно серьезным не бывает, но сейчас он был другим. Каким-то взрослым.

Он молча снял с себя рюкзак и вынул блестящий нож. По-кромсал кабель в пяти места и принялся зачищать провода, выкрутив их из изоляции, что слепляла их воедино с тросом. Кабель под своим весом точно никуда не укатится. Значит можно забыть про армирование.

Я смотрел на то, как мой друг подготавливает провода под взрывчатку. Как он умело закладывает подвязанные шашки в отверстия в стене. Он делал это так спокойно, что и мне немного полегчало. Треть дела уже сделана. Вокруг нас валяются трупы мертвых демонов, царит крошечная темнота, а из звуков только ручеек крови, что проделал себе дорожку в грязи.

Тихо. Слишком тихо.

Я подсел рядом с Ванькой и отцепил рацию от его груди.

– Командир, прием? – вдавил я рычажок с боку устройства.

Тишина.

– Игорь! Меня слышно?

Вот черт. Если их там нет, если они уже все... то мне нужно встать на защиту монтажной группы.

– Семен, что там? – спросил пианист, вынырнув из-под плеча. – Молчат?

Все как на зло начали тыкать в меня светом своих фонарей. Ждут как приговора.

– Ага. Молчат, – я прилепил рацию обратно к Ваньке и встал в полный рост.

Четверо бойцов нервно переглянулись. Монтажники особо ничего не поняли, но им бы отдышаться сначала. Один Ванька молчит да делает.

– Хрен с вами. Я на разведку, – вскинул я винтовку.

– Погость! – отозвался один из арьергарда. – Я с тобой.

Тишина висела недолго. Я обдумал, как лучше и принял быстрое и понятное решение. – Нет. Охраняй группу.

У них всех было оружие, но вот пользовались им хорошо далеко не все. Пианист, вон, явно лучше на пианино играет.

Я быстро. Туда и обратно. Все лучше, чем пугаться звука соседских ботинок.

Тихо идти не получилось. Ноги чавкали по грязи, превращая каждый шаг в громкий хлопок. Я выставил свет фонаря вперед. Чтобы сразу увидеть происходящее, выгрызть из черноты. И выгрызться из нее тоже. Вдруг авангард засечет меня раньше, шлепаю по грязи я совсем не тихо.

Каждый раз перешагивая изуродованное тело демона я думал о том, сколько же у ребят осталось патронов. Скоро ли они вернуться?

Демоны разные попадались: короткие, с кучей сальной шерсти, сбившейся в колтуны, или же здоровенные кабаны, у которых туша вся надутая, будто вот-вот кишки взорвутся.

У всех глаза белые. Зрачки и те белесым затянуты. И это я по тем, у которых глаза открыты или, вообще, есть. Попадались и такие уроды, у которых роговые наросты совсем глаза вытеснили. Глаза у таких, либо из орбит вылезли и сгнили, либо в башке утонули. Все в слизи, все скользкое. Слизь с кровью в узоры перемешалась. Аж блевать тянет. А вонь...

Этот пузатый... Ворочается что-то в животе. Демон дохлый, а живот шевелится. Надутый, кожа натянулась, почти прозрачная. Редкие длинные волосы двигаются в такт с пузом, и все это уродство как мохнатая гусеница, что листья жрет. Вот только гусеница красивая и шелковистая, а это... все в слизи и крови.

Я вскинул винтовку и три раза шлепнул тяжелыми увесистыми пулями по брюху. Кровь чуть подвытекла, и движение прекратилось. Кишки у него еще живые были. Вдруг переваривал че.

Тусклый свет фонаря мелькнул вдалеке.

– Свой! – заорал я раньше, чем в меня полетят пули.

– Ну так иди сюда, свой. Мы и так видим, что свой. Демонны с фонарями не ходят! – рассмеялся кто-то вдалеке.

Я подбрел поближе и уткнулся в кучу тел, что наглухо замуровала проход.

– Семыч, ну как там? – подошел ко мне Игорь и отклеил от моего живота один магазин. – У меня просто кончилось все. Извиняй.

Я отцепил еще один и прилепил уже к его куртке. – Вам

нужнее. А так... нормально все. Один заряд уже, должно быть, заложили. Скорее всего отступили к пятиста.

– А ты че это пришел? Кто охранять-то будет гавриков наших?

Авангард стоял в облаке пороха и сигаретного дыма. Шесть здоровых мужиков мирно курили на фоне кровавой кучи мертвых демонов. Расслабленно, вальяжно. Никто не издавал лишних звуков. Люди тихонько отряхивали свою одежду и неспешно выковыривали гильзы из-под воротников и из карманов.

– Там и без меня стволов хватит, – я жестом попросил сигаретку, ловя себя на мысли, что пора бы уже начать курить.

Игорь протянул свою самодельную. Самокрутку, набитую такой ядреной дрянью, что у меня напрочь обоняние отшибает. – На вот.

Внутри меня все дрожало от страха, поэтому я, не особо раздумывая, жадно затянулся. Восхитительно. Дым ударил по легким с такой силой, что я напрочь забыл про демонов и прочие неприятности.

В тишине слышно было только как от суровых затяжек тлеет табак. Куча трупов не издавала ни звука.

Я оглядел ветеранов, и понял, что у всех осталось по два магазина. Включая Игоря. Воевать им осталось совсем чуть-чуть, и, если демоны вдруг объявятся, то отстреливаться придется мне. Мне и остальным ребятам из арьергарда, а уж если совсем не повезет, то и Ванькиным монтажникам.

Впрочем... я тогда уже буду мертв.

Я поймал себя на мысли про смерть и даже не испугался. Самокрутка в моих зубах притупляла странное холодное чувство. Что же там? В этой желтой тонкой бумаге.

– Игорь, свяжись с молодняком. Пусть сматывают обратно. Мы же закупорили тоннель! – прозвучал тот же голос, что и шутил про демонов с фонарями. Тишина расслабляет. Мужики негромко рассмеялись. Я тоже улыбнулся.

Гора трупов треснула и разбрызгалась в разные стороны. Острые как меч кости копателя разорвали плоть своих братьев и раскидали ошметки по стенам тоннеля. Шаг. Второй. Я не успел вскинуть оружие. Никто не успел.

Из горы трупов, словно пушечное ядро вылетел черный урод. Не от крови черный. Сам по себе. Высохший, поджаренный где то, он был сделан из одних только костей, обтянутых обугленной кожей, а вместо рук и ног у него были белесые кости, аккуратно заточенные об камни и скалы.

Демон как через масло прошел сквозь загромождение тел и встал на четвереньки. Рывок и двое ветеранов, что стояли ближе всего к горе рассыпались. Они еще пытались дышать, когда нижняя часть их легких напрямую могла забирать кислород из пыльного воздуха тоннеля.

Я ничего не понял. Понял, что Игорь спиной толкнул меня и мы оба упали на землю, измазавшись в крови демонов, что как назло начала затекать в штаны. Еще теплая, липкая. Костолапый демон с маленькой лысой башкой вонзил

свою острую как спица руку в грудь следующего дежурного, пригвоздив его к стене. И застрял. Мужик с испуганным и полным непонимания видом пытался вынуть из себя кость, но лишь срезал свои пыльцы, пытаясь достать из себя костяное лезвие. Винтовка свободно повисла на теле. Умер.

Быстро они умерли. Даже взвизгнуть не успели. Не знал, что так бывает. Не видел таких. Впервые такой. Ах да! Я бы сдох, если бы встретил такого. Не даром про них молвы нет. Подошли все. Ну и я, наверное, сдохну. Щас... встану, отряхнусь, ну и помирать пора.

Я валяюсь и думаю, как покрасивее лечь, чтобы преставиться. Ну чтоб трупу удобнее было моему. Мне ведь так очень долго лежать. Там, за гранью смерти, целая вечность. Не хочу, чтобы неудобно было. Раз уж помирать.

Затворы щелкают. Стрекочат как рой саранчи. Кричат что-то. О! Поволокли. Чувствую, как взяли за нашитую ленту на спине. Точно. Несут. Демон лапу вынул уже, а по нему все колошматят и колошматят. Че толку то? Он же вон тощий какой. Хрен попадешь. Труп скользнул по стене и на полу растекся. Ну точно мертв. Может и не вставать? Все равно потом падать.

Черный рванул к нам, а я ноги поджал и оттолкнулся. Машинально как-то. Встать хотел, а лишь кубарем с горы покатился. Выправился, распластался, а урод рядом упал. Глазницы пустые, уже черной кожей заросли. Дышит вонюче и на меня смотрит.

Ну привет.

Я чувствую, как ухмыльнулся. Посмотрел в лицо смерти. В безглазое лицо, с носом, что со лба начинается, такой бугорок с двумя дырочками. Тоже черный. Мой мозг уже начал умирать, мне так хорошо стало, так комфортно и уютно. Не зря говорят, что перед смертью испытываешь блаженство. Во мне столько адреналина и эндорфина, что я и за всю жизнь столько не получал. Вот бы собрать это все в пробирку и поделиться с Ванькой. С Лизой. Игорю тоже дать, а то напряженный какой-то. Стоит и орет. Че орет?

А ведь орет. Фонарем мне в лицо светит. Весь кайф испортил. Тормошит меня, а я так удобно лег. Вот только же пристроился, блядь!

– Сема! – старик одной рукой поднял меня и усадил на корточки, прижав к стене. – Слышишь?

Конечно я, блядь, слышу. Как же не слышать? Прямо в ухо орет.

– Семен! – еще и по щекам лупит.

– Да слышу я! Слышу! – сказал я и голова с жутким звоном начала болеть. В глаза начала заливаться кровь, стоило только сменить положение. Я моргнул раз и все потухло. Второй раз моргнул и свет чуть пробился. Я протер глаза руками, согнав всю кровь в уголки и понял, что больше мне хлопать глазами нельзя. Иначе весь обзор потеряю. Башку разбил.

– Вставай! Прут! – командир вновь потянул меня вверх, и

я встал на ватные ноги. Ноги совсем не слушались. Слушалась только голова. И она болела. Это все что я теперь чувствовал. Лучше бы умер тогда, когда хорошо было. А теперь придется барахтаться.

Я поднял винтовку дрожащими руками и скользким пальцем снял предохранитель. Руки были улиты кровью и маленький флажок на корпусе винтовки поддался не сразу.

А куда стрелять то?

Глаза вообще ничего не видят. Кровь в них затекает по проделанным дорожкам. Я смотрю и не вижу ни черта. Все мутное и черное.

– Вода! Есть вода? – кричал я, закрывая глаза руками.

– Блядь! Вали назад! Черный подход, не догонит.

Я отлепил еще два магазина с куртки и толкнул их Игорю на пояс. Надеюсь попал.

Я мчался, не различая пути. Фонарь выставил вперед, то и дело орал. – Свои! Не стрелять!

Про воду кричал. Спотыкался об трупы, кряхтел, но вставал и бежал дальше. Иногда полз на четвереньках, когда ноги отказывались слушать. Кровь с башки ручьем лилась. И все никак не кончалась.

Я пригляделся к стене. Кабель есть. Значит прошел место со взрывчаткой. Недолго значит еще ползти. Я бежал, забывая прислушиваться к тому, что за спиной. Как там авангард? Там же трое на моих глазах померли! Да не померли они, а подошли как скот! И я почти подход. Бля, да лучше бы

подох. Хрен пойми че в штанах сейчас: кровь или я обоссался от страху.

– Сема? – раздался голос издалека.

– Блядь! Воды и бинт! Срочно! – кубарем подкатился я к ребятам, которых не мог разглядеть.

– У кого фляга и аптечка? Давайте быстрее! – мои плечи обхватили чьи-то руки и замедлили дрожь, что раскатывалась по телу.

В левую руку вложили флягу, и я слышал, как ее открыли с характерным звуком.

Чпоньк.

Вода полилась. Я запрокинул голову и начал лить воду прямо в открытые глаза. Вода тяжелая, жесткая, скорее сушила веки, чем давала живительную влагу. Лево́й рукой лил, право́й – двигал свою рожу, чтобы промыть даже глазницы.

С каждой каплей воды я улавливал все больше света. Мою голову обхватили и начали рыться в волосах.

– Хрен его знает где пробито, как его заматывать-то?

– Да блядь! Не надо его заматывать щас! Хрена ли там из башки вытечет то. Если б че вытекло, то уждохлый был бы.

И то верно. Раз жив, значит мозги еще на месте. Только болят чертовски.

– Вот, смотри, – взял кто-то бинт, и начал обматывать вокруг головы. Прошелся по лбу, замотал затылок, потом по второму кругу. – Вот! Так кровь в глаза не попадет. А если доживет до возвращения – зашьют.

– Спасибо, – выдохнул я и поднял взгляд, все еще мутный. Стоит передо мной парень из звена Ванькиного. Смотрит. Знаю, что виделся на дежурствах, но имени не запомнил. – Спасибо.

– Да не за что, – отвечает он. Тоже имени моего не помнит. – Ну че там?

– Да че там... – подумал я и вспомнил. – Пиздец там. Нам. Готовьтесь.

В тоннеле послышались быстрые шаги. Бег. И все вскинули оружие. Из черноты показался Игорь, весь грязный, черный как смоль. – Бежим!

Он на бегу оторвал от меня еще один магазин и сбросил пустой на землю.

Все засуетились, ринулись за ним. Я тоже подскочил и помчался прочь. Игорь не останавливаясь повернулся. – Арьергард! Держать оборону! Монтажники – за мной!

А бля... точно.

Я рванул с чьей-то убегающей куртки магазин и прицепил к себе. Маловато у меня их осталось, если я хочу выжить. Почувствовал, как в меня кинули еще один. Я огляделся и понял, что остался последним. Все свалили. Все!

– Ну ссуки! Стоять! – кричал я-то ли демонам, то ли людям. Кровь пропитала бинт, и он начал холодить лоб. Сознание вернулось и мысли стали ясными. Слишком ясными для того, кто должен сейчас умереть.

Я не стал дожидаться, пока чудовищная толпа появится

в свете фонаря. Зажал спусковой крючок и выпустил весь магазин разом. Там впереди нет звука шагов. Они все перемешались между собой, создавая чавкающий гул. Гул рос и приближался.

Я вынул новый магазин и им же вытолкнул старый. Пустая железка со звоном упала перед ногами, а полная встала на ее место, я дернул затвор, и он лениво вернулся на место. Слишком лениво.

Кучи слепых глаз заблестели вдалеке. Потом и слизь на некоторых уродах начала вырисовывать их очертания. Я снова открыл огонь, прижимая приклад к бедру. Кучность стала чуть выше и твари начали падать на землю чаще. Делая короткие шаги назад, я никак не мог оторваться от преследования. Сначала один магазин опустел, потом второй. Дуло нагрелось, а ствольная коробка начала дымиться. Скоро все кончится. Нужно только подождать.

Бледные и длинные, маленькие и круглые, с рогами как у баранов или козлов. Какие-то были с копытами, какие-то с когтями вместо пальцев. Они все были такие разные. Но все смотрели своими слепыми глазами, будто видят. Знали, что умрут, но все равно шли вперед. Тоннель обрушится и через миллион лет все мы превратимся в нефть. Может и те залежи, что находят сейчас, тоже следствие такой бойни?

Те, что бегают на четвереньках подлетают ко мне ближе всех. Приходится отвлекаться. Я роняю ствол почти в землю и шлепаю сталью по подошедшим. Остальные успевают со-

кратить дистанцию. Нет смысла думать о спине, задержу тех, что передо мной.

Задержу... точно?

Ну да.

Пожертвую собой?

Ну да.

Да как-то не хочется.

– Ну да... – прошептал я и опустошил последний магазин.

БЕЖАТЬ!

Я рванул наперегонки со смертью, не замедляясь даже об трупы, оставленные в тоннелях. Патроны кончились! Кончились, блядь! А я жив! Значит – бежать.

Я мчался на ощупь, по ветру или звуку, или, скорее, звону в моей голове. Фонарь болтался на винтовке, винтовка болталась подмышкой, а я размахивал руками в разные стороны, стараясь набрать инерцию. Сколько я там стоял? Все уже вернулись. Живы, наверное!

И тут я понял, что нужно ускориться еще сильнее. Иначе опоздаю.

Стена обвалилась и выпавшими камнями меня сбило с ног. Я услышал, как лязгают по стенам чьи-то конечности. Острые. Не стал разглядывать. Поднялся и побежал. Толку то, знать кто там? Патронов-то нет.

Оставалось еще метров триста. Я почти успел, всего-то три сотни метров! Земля ушла из-под ног, и я грудью ударился об край дыры. Воздух вышел из легких, но мне он и

не нужен. Я ревностно ухватился за острые камни, оставляя кожу с пальцев на скале.

Ногу начали тянуть вниз, но я моментально сбил чьи-то пальцы с голени второй ногой и выбрался наверх.

Воздух сжался и подбросил пыль. Резкий толчок и вибрация... Заряды сдетонировали. Но я не понял. Не почувствовал ничего. Я уже был мертв. Расплющен взрывом, придавлен миллионами тонн породы.

Темнота. Помню, что подумал перед смертью...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.